Н. ЛОССКІЙ

ЦѢННОСТЬ и БЫТІЕ

БОГЪ И ЦАРСТВО БОЖІЕ КАКЪ ОСНОВА ЦѢННОСТЕЙ

YMCA PRESS
PARIS - 1931

Библиотека "Руниверс"

Н. ЛОССКІЙ

ЦѢННОСТЬ И БЫТІЕ

Богъ и Царство Божіе какъ основа цѣнностей.

YMCA PRESS
PARIS - 1931

Библиотека "Руниверс"

Printed in France.

Библиотека "Руниверс"

ВВЕДЕНІЕ.

Цѣнность есть нѣчто всепроникающее, опредѣляющее смыслъ и всего міра въ цѣломъ, и каждой личности, и каждаго событія, и каждаго поступка. Всякое малѣйшее измѣненіе, вносимое въ міръ какимъ бы то ни было дѣятелемъ имѣетъ цѣнностную сторону и предпринимается не иначе, какъ на основѣ какихъ либо цѣнностныхъ моментовъ и ради нихъ. Все сущее или могущее быть и вообще какъ-либо принадлежать къ составу міра таково, что оно не только есть, но еще и содержитъ въ себѣ оправданіе или осужденіе своего бытія: обо всемъ можно сказать, что оно хорошо или дурно, что должно или не должно, слѣдуетъ или не слѣдуетъ, чтобы оно было, что оно существуетъ по праву или противъ права (не въ юридическомъ смыслѣ этого слова).

Вездѣсущіе цѣнностнаго момента есть условіе, не облегчающее, а, наоборотъ, чрезвычайно затрудняющее опознаніе его и выработку отвлеченнаго понятія цѣнности. Встрѣчая въ опытѣ цѣнностный моментъ въ неразрывной связи съ бытіемъ, трудно отдѣлить одну сторону отъ другой такъ, чтобы мыслить въ однихъ понятіяхъ чисто бытійственную сторону, очищенную въ абстракціи отъ цѣнностнаго момента, а въ другихъ понятіяхъ

одинъ лишь чисто цѣнностный моментъ. Мало того, возможно, что задача опознанія этихъ двухъ сторонъ міра можетъ быть осуществлена даже и въ абстракціи не путемъ мысленнаго раздѣленія ихъ, какъ можно отдѣлить, напр., мысленно цвѣтъ отъ протяженности, а лишь при условіи мышленія о бытіи подъ особымъ угломъ зрѣнія, открывающимъ нѣкоторый аспектъ его, понятный лишь на основѣ своеобразнаго сочетанія разнородныхъ сторонъ міра.

Если эта догадка вѣрна, то заранѣе можно предвидѣть, что философскія теоріи въ громадномъ большинствѣ случаевъ упрощаютъ проблему и вырабатываютъ понятіе цѣнности, учитывающее лишь одинъ какой-либо элементъ или даже имѣющее въ виду не саму цѣнность, а какія-либо предваряющія ее условія или вытекающія изъ нея слѣдствія. Поэтому теорій цѣнности должно быть много, они должны быть очень разнообразны и нерѣдко даже отчасти противоположны другъ другу. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Подтвердимъ свою мысль примѣромъ нѣсколькихъ разнородныхъ, распространенныхъ и вліятельныхъ ученій.

Очень распространены психологистическія теоріи, субъективирующія цѣнность и отвергающія существованіе абсолютныхъ цѣнностей. Яркимъ примѣромъ послѣдовательнаго психологизма, субъективизма и релятивизма въ аксіологіи (въ ученіи о цѣнности) можетъ служить теорія Эренфельса. Согласно Эренфельсу, цѣнность объекта есть желаемость (Begehrbarkeit) его субъектомъ; что же касается возможности возникновенія желанія, она существуетъ въ томъ случаѣ, если какъ можно болѣе наглядное, живое, полное представленіе о бытіи объекта обусловливаетъ состояніе удовольствія, болѣе

Библиотека "Руниверс"

высоко лежащее на скалѣ (удовольствіе — неудовольствіе), чѣмъ представленіе о небытіи объекта*). Желаемость и относительная пріятность такимъ образомъ законосообразно связаны. Это и есть цѣнность объекта.

Очень близокъ къ Эренфельсу К р е й б и г ъ, утверждающій, что цѣнность есть значеніе, которое имѣетъ для субъекта содержаніе ощущенія или мысли благодаря связаннымъ съ нимъ непосредственно или ассоціаціонно чувствамъ, дѣйствительнымъ или хотя бы существующимъ въ видѣ расположенія; чувства эти связаны съ содѣйствіемъ психической дѣятельности или угнетеніемъ ея**). Изъ этого опредѣленія вытекаетъ отрицаніе абсолютныхъ цѣнностей, признаніе относительности цѣнностей, а также утвержденіе субъективности ихъ. Впрочемъ, Крейбигъ допускаетъ терминъ «объективная цѣнность», если придать ему слѣдующее значеніе: цѣнность объекта согласно истинному сужденію и д е а л ь н о й   л и ч н о с т и, всѣ эмпирически возможныя реакціи чувства которой совершаются при полномъ знаніи свойствъ объекта.

Интересна исторія развитія мысли М е й н о н г а, этого тонкаго и осторожнаго аналитика, который началъ съ построенія психологистической, субъективистической теоріи цѣнностей («Psychologich-ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie», 1894), а черезъ двадцать пять лѣтъ, послѣ появленія въ нѣмецкой литературѣ талантливыхъ трудовъ, стоящихъ на сторонѣ анти-психологизма, объективизма и абсолютизма въ ученіи о

---

*) Chr. v. Ehrenfels, System der Werttheorie, 2 т.т. 1897, см. I т., стр. 65.

**) I. C. Kreibig, Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie, Wien, 1902, стр. 12.

Библиотека "Руниверс"

цѣнности, занялъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ («Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», 1923), какъ онъ самъ заявляетъ, «примирительное положеніе» между враждующими лагерями. Уже въ своемъ первомъ трудѣ Мейнонгъ показываетъ, возражая Эренфельсу, что нельзя выводить цѣнность изъ желаемости, потому что отношеніе между этими двумя моментами обратное: желаніе основано на чувствѣ цѣнности, а не наоборотъ (стр. 15). Точно такъ же нельзя цѣнность сводить на полезность, такъ какъ полезность зависитъ отъ цѣнности: полезно то, что является причиною цѣнного факта (13). Нельзя ссылаться на трудъ, на жертвы и затраты, какъ на первичный источникъ цѣнности, потому что трудъ, жертвы и затраты направляются на то, что уже цѣнно, а не впервые созидаютъ цѣнность (Zur Grundl., 25 сс.). Нельзя, наконецъ, сводить цѣнность на удовлетвореніе потребности, т. е. устраненіе неудовольствія вслѣдствіе несуществованія какого-либо предмета, потому что цѣнно многое такое, отсутствіе чего не связано съ чувствомъ неудовольствія. Если расширить понятіе потребности или, вѣрнѣе, замѣнить его понятіемъ интереса, то связь между интересомъ и цѣнностью, говоритъ Мейнонгъ, окажется всегда наличною, однако, пользы для изслѣдованія отсюда не получится, такъ какъ это два почти равнозначащія слова (Zur Gr., 19).

Отвергая перечисленныя ученія, Мейнонгъ однако находитъ, что всѣ они содержатъ въ себѣ моментъ, дѣйствительно входящій въ понятіе цѣнности, именно — отношеніе къ субъекту. Всякій предметъ можетъ быть цѣннымъ, говоритъ Мейнонгъ, и притомъ, оставаясь тожественнымъ, онъ можетъ вызывать различныя переживанія цѣнности у разныхъ субъектовъ и даже у одного

Библиотека "Руниверс"

и того же субъекта: отсюда слѣдуетъ, что дѣло не въ предметѣ, а въ нашемъ отношеніи къ нему *).

Какое же это наше отношеніе? — Единственное общее, что можно найти въ самыхъ различныхъ случаяхъ цѣнности, говоритъ Мейнонгъ, есть переживаніе субъектомъ чувста цѣнности или, вѣрнѣе, возможность такого переживанія: «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣетъ способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормальнаго и достаточно оріентированнаго» (Untersuch., 25). Чувство цѣнности, прибавляетъ онъ, есть единственное феноменальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности (стр. 30).

Отсюда Мейнонгъ приходитъ къ выводу, что цѣнность относительна въ двухъ смыслахъ,—во-первыхъ, поскольку она есть способность и, во-вторыхъ, поскольку необходимъ субъектъ, въ которомъ осуществляется переживаніе чувства цѣнности. Попытки найти абсолютную цѣнность предмета онъ объясняетъ, какъ исканіе въ предметѣ, вызывающемъ чувство цѣнности, того свойства, которое, будучи имманентно предмету, принадлежитъ ему и тогда, когда нѣтъ субъекта. Однако, говоритъ онъ, это понятіе цѣнности не совпадаетъ съ общепринятымъ: въ обычномъ смыслѣ цѣнность приписывается предмету постольку, поскольку есть кто-нибудь, для кого цѣнность есть цѣнность (стр. 29 с.).

Опредѣленіе цѣнности, данное Мейнонгомъ и приведенное мною выше, изумляетъ своею опустошенностью; въ концѣ концовъ, оно сводится, согласно указанію самого Мейнонга, къ слѣдующему: цѣнно то, что я

*) Meinong, Psych. eth. Untersuch. стр. 14, Zur Grundleg. стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

цѣню (стр. 14 с.). Если понять эту теорію, какъ утвержденіе, что свойство предмета, вызывающее въ субъектѣ чувство цѣнности только тѣмъ и цѣнно, что оно вызываетъ чувство цѣнности, то ученіе Мейнонга окажется крайнимъ и весьма обѣдненнымъ психологизмомъ. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что чувства цѣнности цѣнны, но еще болѣе очевидно, что эти чувства суть симптомъ еще болѣе значительной и болѣе основной цѣнности самого того содержанія бытія, которое такія чувства пробуждаетъ.

Стоитъ только въ опредѣленіи Мейнонга «предметъ цѣненъ, поскольку онъ имѣетъ способность служить фактическимъ основаніемъ для чувства цѣнности у лица нормальнаго и достаточно оріентированнаго» поставить удареніе на словѣ способность, вспомнивъ къ тому же замѣчаніе Мейнонга, что чувство цѣнности есть единственное феноменальное, т. е. доступное опыту въ цѣнности, и мы получимъ право понимать всю эту теорію, какъ агностицизмъ, подчеркивающій чувство цѣнности только потому, что болѣе глубокое содержаніе этого аспекта міра не дано въ опытѣ; гонясь за осязательнымъ фактомъ, Мейнонгъ не проникаетъ въ темную глубину объективной цѣнности. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи онъ даетъ только намекъ на основное значеніе цѣнности, говоря, что первичный источникъ чувства цѣнности есть зло или благо сущаго (55). Дальнѣйшая разработка этой мысли должна обнаружить, что чувство цѣнности есть только симптомъ цѣнности, и можетъ привести къ теоріи объективности или, по крайней мѣрѣ, къ теоріи субъектъ-объективности цѣнности. Эренфельсъ, страстно борющійся противъ перенесенія цѣнности въ объектъ, почувствовалъ эту возможность въ разсужденіяхъ Мей-

Библиотека "Руниверс"

нонга и потому настаиваетъ на устраненіи словъ «способность (Faehigkeit) объекта» изъ даннаго имъ опредѣленія*).

Спустя двадцать пять лѣтъ Мейнонгъ написалъ книгу «Zur Grundlegung der allgemeinen Wert-Theorie», въ которой «личныя цѣнности (persönliche Werte), т. е. цѣнности для кого-нибудь служатъ уже только исходнымъ пунктомъ изслѣдованія. Говоря даже объ этихъ цѣнностяхъ, онъ называетъ свое положеніе въ спорѣ между субъективистами и объективистами примирительнымъ и даетъ слѣдующее опредѣленіе: «личная цѣнность есть пригодность (Eignung) объекта служить благодаря своему свойству и положенію предметомъ переживаній цѣнности» (143) или, иными словами, это есть значеніе его бытія для субъекта, (Seinsbedeutung für ein Subject, стр. 145). Кромѣ того, теперь онъ признаетъ, что, наряду съ личными цѣнностями, существуютъ еще цѣнности неличныя unpersönliche), напр., истина, красота, нравственное добро (145). Чтобы признать ихъ цѣнностями, не требуется переживаніе чувства цѣнности. Это цѣнности абсолютныя, хотя, конечно, и здѣсь къ абсолютной цѣнности присоединяется еще и относительная: можно говорить не только о «неличной цѣнности даннаго О», но еще и о «правомѣрномъ значеніи этого О» для такого то субъекта (163). Абсолютная неличная цѣнность «по справедливости (berechtigterweise) должна бы быть цѣнностью для всякаго субъекта» (165).

Очень близка къ Мейнонгу, въ этой послѣдней стадіи его развитія, теорія Гейде, послѣдователя Ремке. Согласно Гейде, «цѣнность есть особое отношеніе,

---

*) Ehrenfels, I т., стр. 65.

Библиотека "Руниверс"

именно «пріуроченность» (Zugeordnetheit), существующая между объектомъ цѣнности и чувствомъ цѣнности (особымъ состояніемъ субъекта цѣнности); при этомъ, такъ какъ цѣнность есть отношеніе, то члены отношенія, объектъ или субъектъ цѣнности и состояніе субъекта имѣются въ виду просто лишь какъ данное (т. е. независимо отъ того, дѣйствительны ли они)»*).

Изъ опредѣленія видно, что наличность цѣнности предполагаетъ сочетаніе субъекта и объекта, однако свойства объекта суть не цѣнность, а только основаніе цѣнности, также и чувство цѣнности, переживаемое субъектомъ, не есть цѣнность; строго и опредѣленно Гейде отстаиваетъ мысль, что цѣнность есть о т н о ш е н і е объекта къ состоянію субъекта (стр. 106). Подчеркнувъ это какъ бы стояніе цѣнности «между» объектомъ и субъектомъ, Гейде показываетъ, что его теорія не есть ни субъективизмъ, ни объективизмъ, что она не впадаетъ въ релативизмъ и психологизмъ. Хотя цѣнность, говоритъ Гейде, есть отношеніе, однимъ изъ членовъ котораго долженъ быть субъектъ, все же она н е с у б ъ е к т и в н а, она не есть психическое переживаніе субъекта, она е с т ь отношеніе (стр. 50, 63, 76, 83). Мало того, связь съ субъектомъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ цѣнностямъ быть а б с о л ю т н ы м и: есть цѣнности, не зависящія отъ частныхъ особенностей субъекта (Subjectbesonderheit), онѣ — абсолютны.

Въ рѣзкой противоположности къ Гейде стоитъ ученіе Ш е л е р а: цѣнности, напримѣръ, «пріятный, милый, восхитительный, благородный» и т. п. суть не отношенія, а своеобразныя к а ч е с т в а образующія особое царство предметовъ съ особыми отношенія-

*) *I. E. Heyde, Wert,* 1926, стр. 153.

Библиотека "Руниверс"

ми и рангами*): ихъ нельзя получить или умозаключить изъ признаковъ и свойствъ, которые сами не принадлежатъ къ области цѣнностей (стр. 9). Носители качествъ, познаваемыхъ посредствомъ теоретическихъ функцій интеллекта, суть вещи (Ding), а носители цѣнностныхъ качествъ суть блага (Güter); благо есть «подобное вещи единство цѣнностныхъ качествъ» (dinghafte Einheit von Wertqualitäten, стр. 15). Блага и вещи суть данности, одинаково первоначальныя: нельзя утверждать, что благо есть основа вещи (какъ это дѣлаютъ, напр., Махъ или Бергсонъ), или что вещь есть основа блага (16).

Самостоятельную содержательность цѣнностей Шелеръ выясняетъ подчеркиваніемъ того, что они могутъ быть даны въ сознаніи отдѣльно отъ своихъ носителей: какъ чувственное качество, напр. красный цвѣтъ, можетъ быть воспринято безъ вещи, которой оно принадлежитъ, такъ цѣнности, напр. «благородный, жуткій, грозный» вступаютъ иногда въ сознаніе отдѣльно отъ тѣхъ благъ, которыя служатъ носителями ихъ, и раньше даже, чѣмъ восприняты сами эти блага (12). Ребенокъ, напр., воспринимаетъ «доброту» или «злобу» въ наклоненномъ надъ его колыбелькой лицѣ, не разбирая еще самихъ лицъ.

Воспріятіе цѣнностей осуществляется не посредствомъ теоретическихъ, а посредствомъ эмоціональныхъ интенціональныхъ функцій, посредствомъ дѣятельностей чувства (Fühlen). Анализируя эти переживанія, Шелеръ различаетъ въ нихъ, какъ и въ теоретическихъ дѣятельностяхъ, интенціональную функцію и

---

*) M. Scheler, Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik, стр. 248, стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

содержаніе или «явленіе» (Erscheinung въ смыслѣ подобномъ тому, какой придалъ этому термину Штумпфъ въ своемъ трактатѣ «Erscheinung und Funktionen»): въ функціи чувства (Fühlen) мнѣ «является» цѣнность подобно тому, какъ въ функціи представленія мнѣ является предметъ, вещь. Здѣсь нужно различать «чувствованіе чего-либо»(Fühlen von Etwas) и само состояніе, служащее содержаніемъ чувствованія (Gefühlsgegenstand);напр., чувствованіе боли и самую боль, которую я «переношу», или «терплю», или «страдаю», или «смакую» (263). Это свое ученіе о томъ, что цѣнности постигаются посредствомъ чувства, какъ особой направленной на нихъ функціи, Шелеръ называетъ «эмоціональнымъ интуитивизмомъ».

Изъ всего сказаннаго ясно, что Шелеръ рѣшительный защитникъ объективности цѣнностей. Необходимъ, правда, особый видъ сознаванія, посредствомъ котораго цѣнности могутъ быть найдены (272). Но существованіе многихъ цѣнностей вовсе не связано съ психофизическою организаціею человѣка и даже вообще не предполагаетъ я или субъекта: цѣнности существуютъ во всей природѣ (273 с.). Утверждая объективность цѣнностей, Шелеръ отстаиваетъ также существованіе абсолютныхъ цѣнностей.

Н. Гартманъ въ весьма существенныхъ пунктахъ согласенъ съ Шелеромъ. Цѣнности, говоритъ онъ, суть не законы, а содержательно-матеріальныя, объективныя образованія*). Они идеальны (принадлежатъ къ an sich seiende ideale Späre, стр. 96), ихъ бытіе не имѣетъ «существованія» (Ezistenz), но мате-

*) N. Hartmann, Ethik, 1926, стр. 106.

Библиотека "Руниверс"

рія ихъ доступна реализаціи (107, 136). Цѣнности — сущности (Wesenheiten), они представляютъ собою специфическое качество вещей, отношеній, лицъ. Они такія сущности, благодаря которымъ все, что имъ причастно, цѣнно. Доступны они не мысли, а видѣнію, «Schau», эмоціальному, интуитивному (108 с.). Однако знаніе о нихъ, какъ и всякое другое знаніе, имѣетъ теоретическій характеръ (135). Отстаивая объективность цѣнностей, Н. Гартманнъ, какъ и Шелеръ, утверждаетъ также существованіе абсолютныхъ цѣнностей.

Укажу еще на опредѣленіе цѣнности, данное Г. Д. Гурвичемъ въ его «Fichtes System der konkreten Ethik» (1924). Оно существенно отличается отъ всѣхъ предыдущихъ ученій тѣмъ, что ставитъ цѣнность въ связь съ высшимъ предѣломъ бытія. «Цѣнность», говоритъ Гурвичъ, «есть апріорный моментъ количественно-качественной положительной безконечности, которая черезъ среду опредѣляющаго и антиципирующаго ее идеала находится въ вѣчномъ переходѣ въ качественно положительную безконечность» (278). Этотъ апріорный идеальный моментъ можетъ проникать собою также и эмпирически реальное (274).

Приведенныхъ ученій достаточно, чтобы смутить лицо, неопытное въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Если люди, высоко талантливые, вдумчивые, отдавшіе всю свою жизнь рѣшенію философскихъ проблемъ, приходятъ къ такому разброду мнѣній, то, повидимому, истина скрыта въ недосягаемой человѣческому уму глубинѣ. Одни выводятъ цѣнностный аспектъ міра изъ индивидуально-психическихъ переживаній, другіе изъ непсихическихъ факторовъ; одни считаютъ цѣнности субъективными, другіе — объективными; одни утверждаютъ относитель-

Библиотека "Руниверс"

ность всѣхъ цѣнностей, другіе настаиваютъ на существованіи также и абсолютныхъ цѣнностей; одни говорятъ, что цѣнность есть отношеніе, другіе, — что цѣнность есть качество; одни считаютъ цѣнности идеальными, другіе — реальными, третьи — не идеальными, но и не реальными (напр., Гейде). Не будемъ однако отчаиваться: какъ ни различны эти теоріи, каждая изъ нихъ учитываетъ какую-либо сторону цѣнности, и задача нашего изслѣдованія будетъ состоять въ томъ, чтобы найти мѣсто каждаго элемента цѣнности въ полной теоріи, которая не только отвѣтила бы на вопросъ, что такое цѣнность, но еще и объяснила бы, какъ возможно такое множество столь разнородныхъ теорій. Спиноза правильно указываетъ на то, что veritas norma sui et falsi est.

Начнемъ съ психологизма въ ученіи о цѣнности.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ СООБРАЖЕНІЯ, ПОДГОТОВЛЯЮЩІЯ ИДЕАЛЪ-РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О ЦѢННОСТИ.

1. Психологизмъ. Ученіе Гейде.

Психологизмъ въ теоріи цѣнностей есть ученіе, утверждающее, что всякій предметъ, даже и предметъ внѣшняго міра, имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку онъ вызываетъ въ душевной жизни субъекта нѣкоторыя индивидуально-психическія переживанія, именно, согласно однимъ теоріямъ, чувство удовольствія (или неудовольствія), согласно другимъ — желаніе, согласно третьимъ — чувство цѣнности.

Начнемъ съ ученія, утверждающаго, что удовольствіе есть единственная самоцѣнность (Selbstwert, Eigenwert), т. е. первоначальная основная цѣнность. Въ этикѣ съ древнихъ временъ и до нащихъ поръ широкимъ распространеніемъ пользуется ученіе о томъ, что удовольствіе есть единственный мотивъ и конечная цѣль всѣхъ поступковъ человѣка. Согласно этому ученію, все объ-

ективное содержаніе нашихъ стремленій, желаній, хотѣній, осуществляемое нашими поступками, есть только средство для того, чтобы достигнуть подлинной цѣли, именно переживанія удовольствія. Этотъ гедонизмъ и родственныя ему направленія въ этикѣ (эвдемонизмъ, утилитаризмъ) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гедонистическая теорія цѣнности. Милль, напр., обосновывая это ученіе, разсуждаетъ такъ: «цѣнное само по себѣ есть желательное само по себѣ»; «таково только удовольствіе и отсутствіе страданій*). Итакъ, согласно Миллю, только удовольствіе и отсутствіе страданій есть самоцѣнность. Всѣ другія цѣнности производны отсюда, именно служатъ средствомъ для этой цѣнности**).

Для критики гедонистической теоріи цѣнности возьмемъ нѣсколько примѣровъ волевого акта и подвергнемъ ихъ анализу съ цѣлью усмотрѣть ихъ эйдетическую структуру (осуществить Wesensschau, «видѣніе сущности» волевого акта, по терминологіи школы Гуссерля). Положимъ, охотникъ цѣлится въ летящую птицу, стрѣляетъ въ нее и она падаетъ на землю; или, положимъ, отецъ объясняетъ своему любимому ребенку, что такое солнечное затменіе, и по оживленному, осмысленному личику ребенка видитъ, что объясненіе понято имъ. Согласно гедонистической теоріи объективное содержаніе поступка (мѣткій выстрѣлъ, пониманіе ребенка) есть только средство, а подлинная цѣль есть субъ-

---

*) Милль, Утилитаризмъ, русск. перев., стр. 17.

**) Въ дальнѣйшемъ часто придется различать первоначальныя цѣнности и вторичныя; условимся обозначать первыя терминомъ самоцѣнность, а вторыя — служебная цѣнность (Dienstwert по В. Штерну).

Библиотека "Руниверс"

ективное чувство удовольствія дѣйствующаго лица; средство есть подчиненный цѣли, самъ по себѣ не цѣнный элементъ поступка, вродѣ того, какъ если я подставляю лѣстницу, чтобы сорвать яблоко, это средство, подставленіе лѣстницы, само по себѣ не имѣетъ цѣны и, можетъ быть, даже переживается мною, какъ тягостное и скучное.

Обратимся къ фактамъ и путемъ живого наблюденія ихъ отдадимъ себѣ отчетъ, что есть подлинная цѣль и что цѣнно для дѣйствующаго лица. Правда ли, что мѣткій выстрѣлъ, пониманіе ребенка суть только средства для моего удовольствія? Въ душѣ наблюдателя, сосредоточеннаго на чистомъ составѣ сознанія безъ теоретической предвзятости, обусловленной ложными предпосылками, самая постановка такого вопроса производитъ непріятное впечатлѣніе какого то извращенія. Слишкомъ очевидно, что объективное содержаніе поступка и есть сама цѣнная цѣль, а вовсе не средство. Оживленное, осмысленное личико ребенка, это воплощенное, духовно-тѣлесное пониманіе, достигнутое имъ, — есть цѣнная цѣль, то, на чемъ сосредоточивается мой интересъ, а о своемъ удовольствіи, о чувствѣ своего удовлетворенія отъ достиженія этой цѣли я вовсе не забочусь и не сосредоточиваюсь на немъ, не живу въ немъ. Если я совершаю рядъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ дѣйствій, напр., въ игрѣ въ теннисъ, я не успѣваю изживать свои чувства удовольствія отъ ловкихъ ударовъ и отраженій и не забочусь объ этомъ: интереснѣе продолжать игру, чѣмъ «удовлетворяться». Если бы волшебнымъ путемъ было вычерпано объективное содержаніе поступковъ, а чувство удовлетворенія сохранилось бы и затянулось, какая это была бы скука и пустота! Мы были бы крайне неудов-

Библиотека "Руниверс"

летворены своимъ чувствомъ удовлетворенія и стали бы настойчиво искать другого содержанія жизнедѣятельности.

Объективное содержаніе стремленія (содержаніе это въ однихъ случаяхъ принадлежитъ къ составу внѣшняго міра, напр., мѣткій выстрѣлъ, а въ другихъ къ составу внутренней жизни дѣятеля, напр., обученіе англійскому языку) явнымъ образомъ есть подлинная цѣль, то, что привлекаетъ и цѣнится, а чувство удовлетворенія есть только показатель, симптомъ достиженія цѣли, самоочевидная заключительная стадія волевого акта: стремясь къ чему либо, мы хотимъ, чтобы стремленіе было достигнуто, добиваемся удачи, которая выражается чувствомъ удовлетворенія, а не неудачи, которая отмѣчается чувствомъ неудовлетворенія; но удача есть обладаніе объективнымъ содержаніемъ, а не чувствомъ удачи. Такое строеніе волевого акта есть его сущность (Wesen), эйдосъ. Законъ, выражающій это строеніе, устанавливается не путемъ индукціи, а путемъ анализа хотя бы одного случая волевого акта и интуиціи идеальной законосообразной структуры его сущности*).

Такимъ образомъ, ученіе о гедонистической (эвдемонистической и т. п.) мотиваціи заключаетъ въ себѣ неоспоримую истину, но истина эта бѣдна, она сводится почти къ тавтологіи и содержитъ въ себѣ не то, что утверждаетъ гедонизмъ: стремленіе къ чему бы то ни

---

*) Согласно Шелеру и Н. Гартману такое усмотрѣніе есть знаніе a priori. Согласно системѣ логики, развитой въ моей книгѣ «Логика», (гл. «Непосредственное оправданіе сужденій», § 73-78), это есть случай интуиціи, непосредственно устанавливающей общее положеніе.

Библиотека "Руниверс"

ни было есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ успѣшному осуществленію задачи, симптомъ успѣха есть чувство удовлетворенія, но оно именно только симптомъ достиженія цѣли, а не сама цѣль. Спенсеръ, обсуждая теоріи, утверждающія, что цѣль поступка есть не чувство удовлетворенія, а объективное содержаніе поступка, говоритъ, что эти теоріи приняли средство за цѣль; на дѣлѣ эти теоріи правильны, а Спенсеръ совершилъ ошибку, такъ сказать, съ противоположнаго конца: онъ принялъ симптомъ достиженія цѣли за цѣль. Ошибка эта подобна тому, какъ если бы кто либо, наблюдая упражненіе солдатъ въ стрѣльбѣ и видя маханіе флажкомъ, показывающее, что стрѣлокъ попалъ въ мишень, принялъ бы за цѣль этихъ дѣятельностей не мѣткость выстрѣла, а маханіе флажкомъ.

Конечно, чувство удовольствія при осуществленіи цѣли есть тоже положительная цѣнность: переживаніе его повышаетъ цѣнность достиженія объективнаго содержанія, но все же цѣнность его есть нѣчто второстепенное, дополнительное къ цѣнности самого успѣха.

Изложенное ученіе о значеніи удовольствія высказываютъ многіе философы, выражая его иногда почти одними и тѣми же словами. Такъ напр. Вл. Соловьевъ развиваетъ его въ «Оправданіи добра» (162-164, 2 изд.) и въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ», Ф. Паульсенъ въ своей « System der Ethik » (I, 241), Мюнстербергъ въ « Philosophie der Werte » (67 с.*).

G. E. Moore въ своихъ «Principia ethica» напоминаетъ о діалогѣ Платона «Филебъ», гдѣ убѣдительно до-

---

*) См. также мою книгу «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма», гл. VI.

Библиотека "Руниверс"

казано, что удовольствіе есть не единственное благо: въ самомъ дѣлѣ, Платонъ устанавливаетъ, что удовольствіе безъ памяти, напр. умозаключеній о будущемъ, не есть благо; удовольствіе, разсуждаетъ онъ, желательно, но сознаніе удовольствія еще болѣе желательно, слѣдовательно, удовольствіе не есть единственное благо. Далѣе, такимъ же методомъ Платонъ устанавливаетъ, что и сознаніе удовольствія не есть единственное благо, такъ какъ, напр., переживаніе удовольствія въ обществѣ другихъ лицъ выше удовольствія въ одиночествѣ.

Moore производитъ очень тонкія наблюденія надъ сочетаніемъ цѣнности удовольствія и страданія съ другими цѣнностями. Пріятная созерцаемая красота, указываетъ онъ, есть болѣе высокая цѣнность, чѣмъ изолированная пріятность красоты; мы не согласились бы на жизнь, наполненную чувствомъ удовольствія безъ объективнаго содержанія удовольствія. Безпредметное возрастаніе интенсивности удовольствія не есть большое благо; но возрастаніе страданія, даже и безпредметное, есть большое зло. Наоборотъ, удовольствіе въ сочетаніи съ объективнымъ содержаніемъ значительно повышаетъ положительную цѣнность цѣлаго, тогда какъ страданіе, прибавленное къ объективно - отрицательному содержанію, увеличиваетъ отрицательный характеръ цѣлаго не болѣе, какъ на собственную величину. Если чувство удовольствія направляется на отвратительное, безобразное содержаніе, то отсюда получается цѣлое, представляющее собою большее зло, чѣмъ безобразное содержаніе само по себѣ, и возрастаніе удовольствія въ данномъ случаѣ есть увеличеніе зла. И обратно, прибавка страданія иногда не увеличиваетъ, а уменьшаетъ отрицательную цѣнность цѣлаго; напр., если къ отвратительному дѣянію присоединяется страда-

Библиотека "Руниверс"

ніе наказанія, то отрицательная цѣнность становится меньшею, чѣмъ если бы это дѣяніе осталось безнаказаннымъ*).

Все, что сказано о чувствѣ удовольствія, завершающемъ поступокъ, можетъ быть повторено въ нѣсколько измѣненномъ видѣ также и о чувствѣ удовольствія, предваряющемъ поступокъ и входящемъ въ составъ представленія цѣли: это чувство не есть цѣль поступка, и не оно впервые созидаетъ цѣнность объективнаго содержанія стремленія, оно есть только субъективный способъ переживанія объективной цѣнности, знакъ ея. То-же самое слѣдуетъ сказать и о чувствѣ цѣнности, которое, какъ это правильно указалъ Мейнонгъ, слѣдуетъ отличать отъ чувства удовольствія, причиняемаго предметомъ. Чувства цѣнности суть субъективныя одежды, въ которыя облекаются объективныя цѣнности, вступая въ наше сознаніе.

Теорія Мейнонга, высказанная въ первомъ его изслѣдованіи, если понять ее, какъ ученіе, что свойство предмета, координированное съ чувствомъ цѣнности, только потому и цѣнно, что связано съ этимъ чувствомъ, не состоятельна: она принимаетъ субъективный симптомъ цѣнности за самую цѣнность. Кромѣ чувства удовольствія (страданія) и чувства цѣнности, есть много другихъ чувствъ, имѣющихъ характеръ субъективнаго переживанія положительныхъ и отрицательныхъ объективныхъ цѣнностей: таковы, напр., чувство довѣрія, торжественной величавости, невозмутимаго покоя и т. п. или чувство жуткости, суетливаго безпокойства, мрачной угрюмости и т. п. Каждое изъ этихъ чувствъ само имѣетъ цѣнность, но, сверхъ того, оно есть симп-

*) Principia ethica, 1 изд., стр. 94, 213.

Библиотека "Руниверс"

томъ глубже лежащей цѣнности самого предмета чувствъ.

Чувства суть одежды, въ которыхъ объективныя цѣнности появляются въ сознаніи. Что же касается желаній, они суть слѣдствія цѣнности: стремленіе, влеченіе, хотѣніе, желаніе обусловлено цѣнностью предмета, а не есть источникъ ея, какъ это неправильно утверждаетъ Эренфельсъ*). Въ такомъ же отношеніи къ цѣнности стоитъ и долженствованіе: въ самомъ составѣ цѣнности долженствованія нѣтъ, оно есть, согласно указанію Мюнстерберга, лишь возможное слѣдствіе цѣнности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нашемъ поведеніи предстоитъ выборъ между нѣсколькими сталкивающимися цѣнностями**). Точно такъ-же Гейде, возражая противъ теоріи Рикерта, согласно которой цѣнность есть значимость (Geltung), указываетъ на то, что значимость вовсе не характерна для цѣнности вообще, такъ какъ подобно долженствованію, она существуетъ лишь тамъ, гдѣ есть заданная цѣнность, напр., не исполненное еще нравственное требованіе***).

Всѣ упомянутыя въ этой главѣ теоріи цѣнности, кромѣ теоріи Рикерта, психологистичны. Всѣ онѣ считаютъ рѣшеніе проблемы цѣнности задачею психологіи, и всѣ онѣ совершаютъ ошибку, аналогичную той, которая такъ часто встрѣчается въ гносеологіи при рѣше-

*) См. соображенія противъ теоріи Эренфельса и противъ выведенія цѣнности изъ потребностей у Мейнонга въ « Psych. - eth. Untersuchungen » стр. 15 и 70 и его же « Zur Grundlegung der allgemeinen Werttheorie » стр. 37-42; см. также Heyde « Wert » стр. 109; см. о потребностяхъ и цѣнности M. Scheler, « Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik», 364.

**) Münsterberg, Philosophie der Werte, стр. 51-57.

***) Heyde, Wert, 71 cc.

Библиотека "Руниверс"

ніи проблемы истины. Истинное знаніе можетъ быть достигнуто познающимъ субъектомъ не иначе, какъ при помощи индивидуально - психическихъ субъективныхъ актовъ вниманія, различенія, представливанія, припоминанія, обсужденія и т. п. и притомъ не иначе, какъ въ связи съ неинтеллектуальными функціями воли и чувства. Изслѣдованіе всѣхъ этихъ психическихъ актовъ, участвующихъ въ открытіи истины, есть психологія знанія, но эта психологія вовсе не даетъ отвѣта на вопросъ о свойствахъ самой истины: изученіемъ самой истины, въ особенности строенія ея занимаются гносеологія и логика, науки, изслѣдующія не субъективную психическую сторону сознанія, а объективную сторону его. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ психологіею, потому что, напр., логическая структура сужденія или умозаключенія есть нѣчто toto genere отличное отъ психическихъ актовъ, переживаній и т. п. Смѣшеніе гносеологическихъ и логическихъ проблемъ и предметовъ изслѣдованія съ психологическими есть величайшее заблужденіе. Современная философія тяжкимъ трудомъ въ теченіе полувѣковой работы множества выдающихся умовъ достигла яснаго разграниченія этихъ областей. Поэтому, встрѣчаясь съ аналогичною ошибкою въ теоріи цѣнностей, можно уже не тратить слишкомъ много времени и труда на опроверженіе психологистическихъ теорій цѣнности. Психологія цѣненія и воли есть наука о психическихъ процессахъ, связанныхъ съ цѣнностями, но еще не наука о самихъ цѣнностяхъ.

Какъ и въ изслѣдованіи гносеологическихъ и логическихъ проблемъ, особенно четко отграничиться отъ впаденія въ психологизмъ могутъ сторонники интуитивизма (напр., Шелеръ, послѣдователи Ремке, а также

Библиотека "Руниверс"

авторъ этой книги). Въ самомъ дѣлѣ, сторонники интуитивизма утверждаютъ, что въ сознаніи, кромѣ индивидуально - психическихъ переживаній субъекта, могутъ наличествовать любые отрѣзки внѣшняго міра и любые виды бытія — матеріальное бытіе, чужое психическое бытіе, идеальное бытіе и т. п. При такомъ пониманіи строенія сознанія естественно искать цѣнности не въ субъективномъ чувствѣ, вызываемомъ ею, а глубже, именно идя въ направленіи къ предмету чувства. Такъ и поступилъ Гейде: для него цѣнность не находится ни въ субъектѣ, ни въ объектѣ, она есть отношеніе между субъектомъ и объектомъ или, вѣрнѣе, тѣмъ свойствомъ объекта, которое служитъ однимъ изъ членовъ этого отношенія: «цѣнность», говоритъ онъ, «основывается на соотнесенныхъ съ субъектомъ (абсолютныхъ) свойствахъ объекта, но состоитъ не въ нихъ, а въ отношеніи пріуроченности объекта къ особому состоянію субъекта» (стр. 172), именно къ чувству удовольствія и органическимъ ощущеніямъ (Innenempfindungen), изъ которыхъ слагается чувство цѣнности. Отсюда слѣдуетъ, что если бы чувства цѣнности не было, то никакой предметъ не имѣлъ бы цѣнности, т. е. не стоялъ бы къ субъекту въ томъ отношеніи, которое есть цѣнность, по Гейде. Иными словами, теорія Гейде по существу ничѣмъ не отличается отъ первоначальной теоріи Мейнонга и, не будучи психологистической, подпадаетъ однако такой же критикѣ, какъ и психологизмъ, только выраженной нѣсколько иначе. Въ самомъ дѣлѣ, все строеніе цѣннаго бытія Гейде изображаетъ такъ же, какъ Мейнонгъ обрисовываетъ личныя цѣнности; все отличіе и вся оригинальность Гейде состоитъ лишь въ томъ, что, разсматривая трехчленное цѣлое «объектъ — отношеніе — чувство цѣнности въ субъектѣ» онъ

Библиотека "Руниверс"

обозначилъ терминомъ цѣнность средній членъ этого цѣлаго, отношеніе, и выработалъ соотвѣтствующее понятіе цѣнности, весьма послѣдовательно разработавъ его и показавъ, что оно, выведя цѣнность изъ субъекта и объекта, освобождаетъ отъ крайностей какъ субъективизма, такъ и объективизма. Тѣмъ не менѣе, возраженіе, поставленное противъ теоріи Мейнонга, остается въ силѣ и противъ Гейде, только съ слѣдующимъ отличіемъ: Мейнонгъ принялъ симптомъ цѣнности (чувство цѣнности) за цѣнность, а Гейде принялъ за цѣнность отношеніе цѣннаго бытія къ симптому цѣнности.

Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, я вовсе не отвергаю, что цѣнность возможна лишь тамъ, гдѣ есть отношеніе къ субъекту или, лучше сказать, къ личности, но это отношеніе гораздо болѣе глубокое, болѣе существенно пронизывающее всю структуру личности и вообще міра, чѣмъ отношеніе къ чувству цѣнности.

Далѣе, какъ бы далеко мы ни шли за Гейде, соглашаясь, что понятіе цѣнности тѣснѣйщимъ образомъ связано съ понятіемъ отношенія (въ дѣйствительности, примыкая къ Штерну, я полагаю, что понятіе цѣнности связано съ понятіемъ значенія, Bedeutung, и отношеніе входитъ сюда лишь постольку, поскольку всякое значеніе содержитъ въ себѣ отношеніе), все же нельзя признать истиннымъ основное утвержденіе Гейде, что «цѣнность есть отношеніе». Иллюстрируя свое ученіе примѣромъ прекрасной вазы, вызывающей въ наблюдателѣ чувство цѣнности, Гейде разсуждаетъ такъ: передъ нами сложный отрѣзокъ міра — цѣнный объектъ (Wertobject), прекрасная ваза, — субъектъ, переживающій чувство цѣнности, — отношеніе между объектомъ и субъектомъ. Какой изъ этихъ элементовъ

Библиотека "Руниверс"

цѣлаго есть цѣнность? Только отношенiе объекта къ субъекту, именно прiуроченность къ чувству цѣнности, отвѣчаетъ Гейде. Что же касается цѣннаго объекта, онъ не есть цѣнность, онъ только содержитъ въ себѣ основанiе цѣнности (**Wertgrund**), т. е. качества или вообще особенности, благодаря которымъ онъ связанъ съ чувствомъ цѣнности субъекта. Правда, мы говоримъ нерѣдко «ваза (красивая) есть цѣнность», но это лишь неточное выраженiе мысли «ваза имѣетъ цѣнность», т. е. является источникомъ вышеуказаннаго отношенiя къ субъекту.

Далѣе Гейде указываетъ на то, что есть два типа относительныхъ понятiй: одни, какъ напр., положенiе, сходство, обозначаютъ отношенiе(etwas, das Beziehung ist), другiе, какъ напр., отецъ, учитель обозначаютъ нѣчто содержащее въ себѣ отношенiе (etwas, das Beziehung hat).Цѣнность, согласно его теорiи, принадлежитъ къ первому типу, она есть отношенiе, а цѣнный объектъ принадлежитъ ко второму типу, — онъ стоитъ въ отношенiи. Такимъ образомъ, по Гейде, цѣнность не содержательна; о содержанiи можно сказать, что оно цѣнно, однако, лишь въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ отношенiе, называемое цѣнностью. Эта дематерiализацiя цѣнности сомнительна; она можетъ быть произведена только при такомъ вынесенiи цѣнности изъ объекта наружу, какое производитъ Гейде, утверждая, что цѣнный объектъ имѣетъ цѣнность благодаря отношенiю къ тому, что для него чуждо и внѣшне, именно благодаря отношенiю къ чувству, переживаемому субъектомъ. Въ дальнѣйшемъ, когда мы замѣнимъ гейдевское отношенiе понятiемъ значенiя (и притомъ не только для чувства цѣнности), окажется, что само бытiйственное содержанiе есть въ извѣстномъ смыслѣ также и

Библиотека "Руниверс"

цѣнность. При такомъ пониманіи цѣнность до нѣкоторой степени матеріализуется, онтологизируется; понятіе цѣнности становится аналогичнымъ, если не понятію отецъ (или учитель и т. п.), то понятію отцовства, истолкованному нѣкоторымъ особымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, словомъ отцовство можно обозначить два различныя понятія: во-первыхъ, понятіе отношенія между лицомъ А и его ребенкомъ В, во-вторыхъ, само онтологическое содержаніе лица А, включающее въ себя отношеніе къ В. Понятіе цѣнности мы мыслимъ подобно этому второму понятію отцовства. Мыслимое такъ оно представляетъ собою особую категорію, не подводимую ни подъ какія другія категоріи и потому не опредѣлимое обычнымъ способомъ, т. е. черезъ указаніе ближайшаго рода и видового признака. Въ этомъ косвенное указаніе правильности избраннаго нами пути, тогда какъ ученіе Гейде несомнѣнно заключаетъ въ себѣ ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, Гейде въ началѣ своего труда соглашается съ тѣмъ, что цѣнность, какъ нѣчто элементарное, первичное не опредѣлима обычнымъ способомъ, но, можетъ быть опредѣлена черезъ указаніе ея отношенія къ другимъ элементамъ міра (стр. 31 сс.), а кончаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ, что даетъ опредѣленіе цѣнности черезъ ближайшій родъ и видовой признакъ, именно подводитъ понятіе цѣнности подъ понятіе отношенія. Позже, когда я попытаюсь дать опредѣленіе понятія цѣнности, окажется, что оно не разложимо на родъ и видовой признакъ.

2. Ученіе Шелера.

Соображенія объ онтологичности и матеріальности цѣнности наводятъ на мысль, не слѣдуетъ ли безъ вся-

Библиотека "Руниверс"

кихъ оговорокъ присоединиться къ утвержденію Шелера, что цѣнность есть не отношеніе, а качество, что она вполнѣ объективна. Конечно, по Шелеру, она есть качество въ весьма своеобразномъ значеніи этого слова: это качество не вещи (какъ, напр., голубость есть качество неба), а качество блага (Gut). «Благо есть вещеобразное единство цѣнностныхъ качествъ». Примѣромъ такихъ цѣнностныхъ качествъ можетъ служить то, что выражается словами «пріятный, восхитительный, нѣжный, милый, благородный, чистый, возвышенный, добрый, злой робкій» и т. п. Цѣнностныя качества суть особое царство предметовъ, которые наглядно (anschaulich) даны или могутъ быть сведены на особую данность; ихъ нельзя, говоритъ Шелеръ, получить или умозаключить изъ признаковъ и свойствъ, которые сами не принадлежатъ къ области цѣнностей: какъ голубыя вещи — голубы, и нельзя голубость сводить на что либо иное, такъ добрые поступки — добры*). До такой степени цѣнность, по Шелеру, есть особая данность, что воспріятіе цѣнности осуществляется иногда раньше воспріятія носителя ея (12).

Описанныя Шелеромъ содержательныя «матеріальныя» данности, безъ сомнѣнія, суть цѣнности, однако нельзя принять его теорію, по которой цѣнности суть царство качествъ такого рода, такъ что остатокъ, получающійся послѣ вычитанія такихъ качествъ, не есть цѣнность. Во-первыхъ, если бы цѣнности были всего лишь такими содержаніями, какъ качество «восхитительный»,

---

*) M. Scheler, Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik, стр. 15, 9 с. Буквально такъ же говоритъ Moore о добрѣ, какъ самоцѣнности: good — простое, неопредѣлимое качество, good is good такъ-же, какъ желтое желто, Princ. eth. I изд., стр. 6-9.

Библиотека "Руниверс"

«нѣжный» и т. п., то не было бы основаній подчеркивать ихъ идеальность, между тѣмъ Шелеръ утверждаетъ идеальность ихъ; и, въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовательскій тактъ говоритъ всякому лицу, опытному въ разсмотрѣніи подобныхъ проблемъ, что цѣнность есть нѣчто идеальное или, по крайней мѣрѣ, включаетъ въ себя идеальный моментъ, какъ нѣчто существенное. Во-вторыхъ, представимъ себѣ въ фантазіи, что мы живемъ въ царствѣ «восхитительности, нѣжности, возвышенности» и т. п. безъ самого того, что восхитительно, нѣжно, возвышенно и т. п.; такія оторванныя цѣнности обезцѣнивались бы и даже стали бы отвратительными тѣнями; изъ этого слѣдуетъ, что качества, указанныя Шелеромъ, суть дополнительныя, симптоматическія цѣнности къ цѣнности носителей ихъ, такъ что сами эти носители тоже суть цѣнности, и притомъ основныя. И дѣйствительно, буквально любое содержаніе бытія есть положительная или отрицательная цѣнность не въ какомъ либо своемъ отдѣльномъ качествѣ, а насквозь всѣмъ своимъ бытійственнымъ содержаніемъ. Напр., восхитительный чистый голубой цвѣтъ спектра есть цѣнность не только въ своей восхитительности, но и въ самой своей голубости. Это наблюденіе наводитъ на мысль, что само бытіе, само esse есть не только бытіе, но и цѣнность. Такія ученія дѣйствительно высказываются и притомъ мыслителями, занимающими первостепенное положеніе въ исторіи философіи.

Бл. Августинъ, основываясь на томъ, что всякое бытіе сотворено Богомъ и существуетъ не иначе, какъ произволеніемъ Божіимъ, утверждаетъ слѣдующее положеніе: «все, что есть, поскольку оно есть, есть добро» («in quantum est quidquid est, bonum est. De vera

Библиотека "Руниверс"

religione, гл. XI, 21). Въ добротность бытія зло можетъ быть внесено путемъ порчи; при этомъ добро въ предметѣ уменьшается, но оно не можетъ быть вычерпано до конца ни въ чемъ сущемъ, такъ какъ тогда само существованіе прекратилось бы*).

Согласно Діонисію Ареопагиту (псевдо-Діонисію) бытіе возможно не иначе, какъ на основаніи причастія добротности въ какой либо степени (см., напр., «О божественныхъ именахъ», IV, 4). Альбертъ Великій и Θома Аквинскій утверждаютъ, что термины ens и bonum относятся къ одному и тому же только въ разныхъ отношеніяхъ**).

Согласно Эріугенѣ, который ссылается въ этомъ вопросѣ на Діонисія Ареопагита, все, что есть, постольку есть, поскольку причастно добротности («in quantum participant bonitatem», De divisione naturæ кн. III, 3).

Въ новой философіи Спиноза съ рѣзкою опредѣленностью отожествляетъ бытіе и совершенство. Согласно его ученію понятія «реальность» и «совершенство» совпадаютъ(«per realitatem et perfectionem idem intelligo», Этика, ч. II, опред. VI). Въ письмѣ къ I. Гудде (Hudde) онъ говоритъ, что «совершенство заключается въ бытіи, а несовершенство въ недостаткѣ бытія»***).

---

*) Si autem omni bono privabuntur, omnino non erunt. Confess., кн. VII, гл. XII, 8; De natura boni contra Manichaeus, кн. I, гл. XVII.

**) Albertus Magnus, Summa theologica, p. I, tr. VI, qu. XXVIII; Θома Аквинскій: «бытіе, поскольку оно — бытіе, существуетъ in actu, но всякая актуальность есть «perfectio quaedam»; «perfectum vero habet rationem appetibilis, et boni». Summa theologica, p. I. qu. V. art. III; p. I. qu. XLIX, art III.

***) « Perfectionem in τῷ esse et imperfectionem in privatione τοῦ esse consistere» Epistola XXXVI, Opera. т. IV, изд. C. Gebhardt.

Библиотека "Руниверс"

Я разсмотрю это ученіе въ той формѣ, какъ оно развито въ перепискѣ Лейбница съ профессоромъ математики Арнольдомъ Экгардомъ (Eckhard).

3. Споръ Лейбница и Арнольда Экгарда о понятіи цѣнности.

Обмѣнъ мнѣній между Лейбницемъ и Экгардомъ начался 5 апрѣля 1677 г. бесѣдою о понятіи совершенства, причемъ обнаружилось разногласіе ихъ по этому вопросу. Далѣе завязалась переписка, которая закончилась признаніемъ Лейбница, что многія его возраженія исчезаютъ. Окончательное мнѣніе Лейбница въ ней не высказано, но ученіе Экгарда выражено вполнѣ отчетливо, и оно то и будетъ разсмотрѣно мною главнымъ образомъ*).

Экгардъ утверждаетъ, что совершенство (perfectio) есть всякая реальность; ens (сущее бытіе) и perfectio различаются sola ratione; различіе ens и perfectum есть только distinctio rationis; иными словами, бытіе и совершенство есть одно и то-же, разсматриваемое только разумомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Лейбницъ возражаетъ на это, что въ такомъ случаѣ даже и боль была бы совершенствомъ; по его мнѣнію, совершенство есть не esse, а bene esse, т. е. не просто бытіе, а положительно цѣнное бытіе. Онъ поясняетъ, что bene esse есть «количество или степень реальности или сущности» (quantitas seu gradus realitatis, seu essentiæ, стр. 225). Въ такой формулировкѣ эта мысль Лейбница, конечно, не

---

*) Собр. философ. соч. Лейбница, изд. Gerhardt'a, т. I, стр. 214-218; 221 с.; 225-234; 266.

Библиотека "Руниверс"

состоятельна: степень реальности можетъ быть положительною цѣнностью лишь въ томъ случаѣ, если сама реальность вообще есть положительная цѣнность. Поэтому въ дальнѣйшемъ теченіи спора Экгардъ легко приводитъ Лейбница къ сближенію съ собою. Онъ развиваетъ далѣе свое отожествленіе бытія и совершенства, указывая на то, что различіе между этими понятіями заключается лишь въ слѣдующемъ: какъ ens, такъ и perfectum есть то, что полагаетъ нѣчто въ вещи; но мысля что-либо, какъ ens, я имѣю въ виду полаганіе безотносительно къ его противоположности, т. е. небытію; то-же самое ens я мыслю, какъ perfectum, если разсматриваю его въ отношеніи къ небытію и предпочитаю его небытію (228). Отсюда слѣдуетъ, что сравнительная степень «лучше», «совершеннѣе» примѣнима тамъ, гдѣ больше реальности, а превосходная степень «наилучшее», «наисовершенное» — то, что содержитъ въ себѣ всю реальность (229).

Лейбницъ подхватываетъ эту мысль, говоря, что въ этомъ метафизическомъ смыслѣ и въ страдающемъ человѣкѣ дѣйствительно больше совершенства, чѣмъ въ нестрадающемъ и не радующемся, а тупомъ или безразличномъ (230). Экгардъ развиваетъ детально эту мысль, говоря, что страданіе содержитъ въ себѣ ощущеніе (sensus), которое, за исключеніемъ своей «остроты» или «горечи», имѣетъ положительное содержаніе и, слѣдовательно, въ этомъ своемъ аспектѣ есть совершенство. Но, кромѣ того, страданіе содержитъ въ себѣ присутствіе вещи, которой мы не желаемъ, или отсутствіе вещи желаемой; этотъ отрицательный моментъ есть несовершенство, недостатокъ потенціи въ нашей волѣ (232). Бесѣда осталась незаконченною; въ послѣднемъ письмѣ Лейбницъ бросаетъ за-

Библиотека "Руниверс"

мѣчаніе, что цѣнно не просто существованіе, а ощущеніе его (234), т. е., сказали бы мы въ наше время, сознаваемое существованіе.

Общій итогъ бесѣды тотъ, что всякое бытійственное содержаніе есть положительная цѣнность въ сравненіи съ небытіемъ. Однако нельзя говорить о совершенномъ тожествѣ бытія и цѣнности, потому что бытіе, какъ цѣнность, разсматривается въ иномъ соотношеніи, чѣмъ просто бытіе. Мало того, различіе между бытіемъ и положительною цѣнностью еще болѣе отчетливо обнаружится, если перейти отъ разсмотрѣнія изолированнаго, отвлеченнаго содержанія бытія къ тому же содержанію, взятому въ сложной конкретной системѣ бытія. Въ самомъ дѣлѣ, всякое абстрактно взятое содержаніе бытія А есть положительная цѣнность, поскольку оно есть удаленіе отъ небытія или, съ другой стороны, приближеніе своею содержательностью къ всереальности, т. е. къ абсолютной полнотѣ бытія. Но возьмемъ то же самое содержаніе бытія не изолированно, не абстрактно, а въ системѣ; къ такому разсмотрѣнію его мы обязаны приступить, потому что всякое бытіе въ дѣйствительности существуетъ не иначе, какъ въ системѣ міра. Взятое въ составѣ міра бытіе А можетъ оказаться ведущимъ къ уничтоженію другихъ видовъ бытія и пониженію бытійственнаго содержанія системы міра; въ такомъ случаѣ, А вноситъ въ міръ приближеніе къ небытію, удаленіе отъ полноты бытія. Если положительная цѣнность есть бытіе въ его значеніи для удаленія отъ небытія и приближенія къ полнотѣ бытія, то разсматриваемое А есть не положительная, а отрицательная цѣнность. Такимъ образомъ Лейбницъ правъ: нужно различать **bene esse и male esse.**

Библиотека "Руниверс"

4. Цѣнность и абсолютная полнота бытія.

Въ дальнѣйшемъ, говоря о совершенствѣ, т. е. положительной цѣнности, мы будемъ брать бытіе не въ его отношеніи къ небытію, а въ отношеній къ абсолютной полнотѣ бытія. Въ самомъ дѣлѣ, совершенное небытіе есть только задача для мысли, идеально ставимый предѣлъ: совершенное небытіе не можетъ быть дано, возможно только большее или меньшее приближеніе къ совершенному уничтоженію.

Есть и другое, еще болѣе существенное соображеніе, побуждающее разсматривать бытіе въ его соотношеніи съ абсолютною полнотою. Въ религіозномъ опытѣ абсолютная полнота бытія дана, какъ Богъ. Слѣдовательно, высказанное нами ученіе о совершенствѣ можно формулировать такъ: положительная цѣнность есть бытіе въ его значеніи для приближенія къ Богу и къ Божественной полнотѣ бытія*). Изъ этой формулировки ясно, что разсмотрѣніе бытія въ его соотношеніи съ высшимъ предѣломъ даетъ абсолютно очевидную истину о цѣнностяхъ и служитъ основаніемъ для болѣе разнообразныхъ и болѣе многозначительныхъ выводовъ, чѣмъ въ соотношеніи съ небытіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пріобщеніе къ абсолютной полнотѣ бытія, хотя бы самое отдаленное, видѣніе Божественнаго бытія какъ бы «черезъ зерцало въ гаданіи» сопутствуется безусловно очевиднымъ усмотрѣніемъ, что

---

*) О Богѣ и отношеніи Его къ міру см. мои книги: «Міръ какъ органическое цѣлое» и «Свобода воли».

Библиотека "Руниверс"

Богъ есть абсолютное совершенство: бытіе Его содержитъ въ себѣ абсолютное самооправданіе, безусловное право на предпочтеніе всему; Богъ есть то, чему безусловно стоитъ быть. Симптомъ абсолютнаго характера этой цѣнности есть «радость о Господѣ», предѣльное удовлетвореніе отъ одного сознанія, что столь прекрасное, столь добротное есть, хотя бы мнѣ и не дано было принадлежать къ Царству Его. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ этого религіознаго опыта приведемъ одно изъ видѣній германскаго мистика Сузо: однажды въ день св. Агнесы, находясь въ состояніи чрезвычайной удрученности, онъ увидѣлъ и услышалъ нѣчто невыразимое никакимъ языкомъ: это было «нѣчто безъ формы и вида, но заключало въ себѣ радостную прелесть всѣхъ формъ и всѣхъ видовъ»; «это была источающаяся изъ вѣчной жизни сладость въ покойно пребывающемъ ощущеніи»; «если это — не Царство Небесное, то что же назвать этимъ словомъ; никакое страданіе, выразимое словомъ, не заслуживаетъ этой радости, предназначенной для вѣчнаго обладанія»*).

Прямо противоположный опытъ приближенія къ абсолютному уничтоженію и крайней степени страданія пережитъ въ сновидѣніи о. П. Флоренскимъ: «У меня не было образовъ, а были одни чисто внутреннія переживанія. Безпросвѣтная тьма, почти вещественно густая, окружала меня. Какія то силы увлекли меня на край, и я почувствовалъ, что это — край бытія Божія, что внѣ его — абсолютное Ничто. Я хотѣлъ вскрикнуть, и — не могъ. Я зналъ, что еще одно мгновеніе, и я буду извергнутъ во тьму внѣшнюю. Тьма начала вли-

---

*) H. Seuses Deutsche Schriften I. B., стр. 9 с., изд. E. Diederichs. 1922.

ваться во все существо мое. Самосознаніе на половину было утеряно и я зналъ, что это — абсолютное метафизическое уничтоженіе. Въ послѣднемъ отчаяніи я завопилъ не своимъ голосомъ: «Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ Господи. Господи, услыши гласъ мой»... Въ этихъ словахъ тогда вылилась душа. Чьи то руки мощно схватили меня, утопающаго, и отбросили куда то, далеко отъ бездны. Толчекъ былъ внезапный и властный. Вдругъ я очутился въ обычной обстановкѣ, въ своей комнатѣ, кажется: изъ мистическаго небытія попалъ въ обычное житейское бываніе. Тутъ сразу почувствовалъ себя предъ лицомъ Божіимъ и тогда проснулся, весь мокрый отъ холоднаго пота. — Теперь, вотъ прошло уже почти четыре года, но я содрагаюсь при словѣ о смерти второй, о тьмѣ внѣшней и объ изверженіи изъ Царства. И теперь всѣмъ существомъ трепещу, когда читаю: «Да убо не единъ пребуду кромѣ Тебѣ живодавца дыханія моего, живота моего, радованія моего, спасенія моего», т. е. не во тьмѣ кромѣшной, внѣ Жизни, Дыханія и Радости. И теперь съ тоскою и волненіемъ внимаю слову Псалмопѣвца: «Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего святаго не отыми отъ мене»*).

Сопоставленіе противоположныхъ полюсовъ Божественной полноты бытія и адской близости къ полному уничтоженію обнаруживаетъ съ особенною яркостью сущность положительной и отрицательной цѣнности: Абсолютная полнота Божественнаго бытія есть абсолютное совершенство, заслуживающее безусловнаго одобренія, — нѣчто такое, что не только есть, но чему стоитъ быть. Это само Добро не въ нравственномъ только, а во всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова, начало,

---

*) П. Флоренскій «Столпъ и утвержденіе истины», стр. 205 с.

Библиотека "Руниверс"

которое Платонъ назвалъ τὸ ἀγαθόν. Оно стоитъ «по ту сторону бытія» не потому, что Оно не бытійственно, а потому, что въ Немъ нѣтъ раздѣленія бытія и цѣнности: Оно есть бытіе, какъ самъ Сущій смыслъ, Сущая Значительность*). Искать иного опредѣленія добра, кромѣ указанія на Само Добро, нельзя потому что Добро первично, Оно есть абсолютная положительная цѣнность, самоцѣнность. Всякое самое маленькое производное добро становится таковымъ черезъ причастіе Самому Добру; дальнѣйшее изслѣдованіе цѣнностей и будетъ состоять въ разсмотрѣніи разныхъ моментовъ, способовъ и средствъ причастія міра Ему. Все, что причастно въ какой бы то ни было мѣрѣ Добру, т. е. Богу, какъ абсолютной полнотѣ бытія, содержитъ въ себѣ оправданіе своего бытія, заслуженность его, и симптоматически эта положительная цѣнность выражается, въ зависимости отъ разнообразія видовъ этого пріобщенія, въ безконечно разнообразныхъ положительныхъ чувствахъ — въ чувствѣ удовольствія, восхищенія, возвышенности, покоя, довѣрія, надежды и т. п., предвосхищающихъ полноту блаженства Божественнаго бытія. Наоборотъ, все, что препятствуетъ осуществленію абсолютной полноты бытія, не заслуживаетъ того, чтобы быть; симптоматически такая отрицательная цѣнность выражается въ отрицательныхъ чувствахъ страданія, отвращенія, низменности, пошлости, жутко-

*) W. Stern опредѣляетъ всякую самоцѣнность (Selbstwert), какъ « in sich ruhende Bedeutung, der in sich Erfüllung suchende und findende Sinn » (въ себѣ покоящееся значеніе; смыслъ — ищущій исполненія и находящій его въ себѣ самомъ, Wert-Philosophie, 1924, стр. 43). Онъ прибавляетъ, что здѣсь приходится прибѣгать къ несовершеннымъ описаніемъ, чтобы дать знать о томъ, что собственно «уже невыразимо».

сти, безпокойства, покинутости и т. п., предвосхищающихъ безмѣрныя мученія адскаго распада бытія.

Кромѣ Божественной полноты бытія, какъ самого Добра, и мыслимыхъ въ зависимости отъ Него положительныхъ и отрицательныхъ цѣнностей, можно попытаться представить себѣ и такую систему бытія, въ которой ничто не имѣло бы никакой цѣнности ни положительной, ни отрицательной. Такое воображаемое безразличное бытіе мы подвергнемъ теперь спеціальному изслѣдованію: разсмотрѣніе его откроетъ намъ существенныя условія возможности цѣнности вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ углубитъ пониманіе природы цѣнности. Производя это изслѣдованіе, мы отдадимъ себѣ отчетъ также въ томъ, можетъ ли дѣйствительно существовать бытіе, лишенное цѣнности, или оно есть только построенный въ фантазіи субъективный замыселъ, продуктъ умственнаго эксперимента. Если бытіе, лишенное цѣнности, не можетъ существовать, то это будетъ значить, что условія бытійственности и условія цѣнности или совпадаютъ или необходимо связаны другъ съ другомъ такъ, что бытіе можетъ быть только добротнымъ или недобротнымъ, но не можетъ быть индифферентнымъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

УСЛОВІЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЦѢННОСТИ.

1. Длясебябытіе субстанціальнаго дѣятеля.

Представимъ себѣ міръ, въ которомъ все сущее бы-бо бы лишено длясебябытія и бытія для другого, т. е. такой міръ, въ которомъ не было бы самопереживанія и переживанія другого, въ которомъ невозможно было бы сознаніе. Такъ, представимъ себѣ міръ, состоящій изъ атомовъ Демокрита безъ возникновенія въ немъ живыхъ, чувствующихъ и сознательныхъ существъ; въ такомъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ твердыхъ комковъ, которые перемѣщаются въ пространствѣ, случайно сталкиваются другъ съ другомъ и отскакиваютъ другъ отъ друга; скорость и направленіе ихъ движенія при этомъ мѣняется, но всѣ эти перемѣны происходятъ слѣпо, безъ смысла, безъ цѣли. О такомъ бытіи пришлось бы сказать, что оно существуетъ не для себя и не для кого бы то ни было; оно не имѣетъ

значенія ни для себя, ни для кого бы то ни было. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, оно не имѣетъ также никакой цѣнности.

Поставимъ теперь вопросъ, можетъ ли существовать такой міръ, въ которомъ ничто сущее не живетъ для себя и не переживаетъ чужого бытія, въ которомъ ничто не имѣетъ значенія для себя и для другихъ. Такой міръ, какъ это мы и находимъ въ множественности атомовъ Демокрита, лишенъ той своеобразной формы цѣльности, въ силу которой стороны цѣлаго, аспекты его, элементы не замкнуты въ занимаемомъ ими мѣстѣ пространства и отрѣзка времени, не замкнуты вообще въ своемъ содержаніи, какъ отдѣльности, но трансцендируютъ за предѣлы своего мѣста, времени и содержанія такъ, что способны существовать для себя и для другого въ видѣ самопереживанія и переживанія другими существами. Онъ содержитъ въ себѣ только ограниченныя, опредѣленныя, т. е. подчиненныя закону тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, содержанія бытія, которыя сами по себѣ не способны выйти за предѣлы самихъ себя; разсматривая ихъ самихъ по себѣ, нельзя понять не только такое ихъ трансцендированіе за предѣлы себя, какъ самопереживаніе и переживаніе другими существами, но даже и такое, какъ вообще вступленіе ихъ въ любыя отношенія другъ къ другу — отношенія близости, далекости, прежде, послѣ, тожества, сходства, противоположности, причинности и т. п. Между тѣмъ, внѣ этихъ отношеній, особенно такихъ, какъ тожество и противоположность, сами эти ограниченныя, опредѣленныя содержанія по самому своему смыслу существовать не могутъ. Отсюда слѣдуетъ, что они не самостоятельны; они предполагаютъ какое то болѣе глубокое бытіе, которое обоснову

Библиотека "Руниверс"

ваетъ ихъ, какъ опредѣленныя согласно отношеніямъ тожества и противоположности, осуществляетъ ихъ сообразно формѣ времени и пространства со всѣми ихъ взаимоотношеніями. Причина опредѣленныхъ содержаній и отношеній между ними, стоящая выше ихъ, можетъ быть мыслима, во избѣжаніе regressus in infinitum только, какъ начало сверхвременное, сверхпространственное и сверхлогическое, т. е. неподчиненное формально-логическимъ опредѣленіямъ (металогическое). Это начало есть бытіе идеальное и притомъ конкретно-идеальное; оно есть творческій источникъ реальнаго бытія, т. е. событій, имѣющихъ временное и пространственно-временное существованіе*).

Сами по себѣ событія занимаютъ лишь опредѣленный отрѣзокъ времени и мѣсто въ пространствѣ; трансцендировать за предѣлы даннаго мѣста и времени они могутъ (напр., движеніе такой то массы, чувство опасенія и т. п.) лишь постольку, поскольку они такъ тѣсно спаяны съ конкретно-идеальнымъ бытіемъ, что составляютъ съ нимъ одно цѣлое и, существуя въ немъ не изолированно, находятся въ отношеніи другъ къ другу и имѣютъ значеніе другъ для друга. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если конкретно-идеальное бытіе творитъ реальные процессы, какъ свои проявленія; оно есть не только причина событій, но и обладатель, носитель ихъ.

---

*) Словомъ идеальное бытіе мы обозначаемъ все то, что не имѣетъ формы пространства и времени; словомъ конкретно-идеальное мы обозначаемъ такое идеальное бытіе, которое творчески обосновываетъ событія, процессы, т. е. реальное бытіе.

Конкретно-идеальное бытіе, какъ творческій источникъ и носитель своихъ проявленій, можетъ быть обозначено терминомъ субстанція или субъектъ; для большей наглядности и конкретности я буду обозначать его терминомъ субстанціальный дѣятель.

Хорошо извѣстный каждому изъ насъ путемъ непосредственнаго наблюденія примѣръ субстанціальнаго дѣятеля-субъекта, творящаго реальное бытіе, есть наше я. Каждое мое чувство, хотѣніе и поступокъ принадлежитъ къ сферѣ реальнаго, т. е. временнаго бытія и потому рѣзко отличается отъ моего я, сверхвременнаго и сверхпространственнаго, т. е. конкретно-идеальнаго; въ самомъ дѣлѣ, мои чувства возникаютъ и исчезаютъ, они имѣютъ опредѣленное теченіе во времени; отталкиванія, производимыя мною, имѣютъ, кромѣ, временной, еще и опредѣленную пространственную форму; но само мое я, источникъ этихъ событій, не имѣетъ никакой пространственной формы, оно не линейное, не плоскостное, не кубическое и т. п.; точно такъ же мое я не имѣетъ никакой временной формы, оно не течетъ во времени, какъ чувства или хотѣнія, оно не возникаетъ и не исчезаетъ, оно сверхвременно есть; оно — глубинное бытіе, а чувства, хотѣнія, поступки суть только быванія. Тѣмъ не менѣе, чувства, хотѣнія, поступки тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ я, они суть его проявленія, его переживанія: когда я творитъ ихъ, они не просто существуютъ, а существуютъ для я, какъ то, въ чемъ я живетъ и въ чемъ я обладаетъ длясебябытіемъ. Самопереживаніе я въ своихъ проявленіяхъ есть нѣчто болѣе простое, чѣмъ сознаніе, въ которомъ посредствомъ акта вниманія выдѣлены и противопоставлены субъектъ и объектъ; оно

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть названо **предсознаніемъ**, такъ какъ оно есть условіе возможности сознанія, поскольку въ немъ уже содержатся важнѣйшіе элементы строенія сознанія, именно наличность я и его проявленій съ характеромъ **имманентности я всѣмъ своимъ проявленіямъ**, а потому съ характеромъ трансцендированія всякаго проявленія за предѣлы своей ограниченности, съ характеромъ имманентности ихъ всѣхъ другъ въ другѣ и съ характеромъ ихъ **значенія** для я.

Строеніе бытія, состоящее въ томъ, что я имманентно всѣмъ своимъ проявленіямъ и они существуютъ **для** него, есть не только предсознаніе, на почвѣ котораго далѣе можетъ развиться сознаніе и чисто **теоретическая** дѣятельность познанія; оно есть, кромѣ того, и **предчувство**. Въ самомъ дѣлѣ, каждый элементъ бытія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность, поскольку онъ имѣетъ значеніе для приближенія къ полнотѣ бытія или удаленія отъ нея; вступая въ составъ жизни субъекта вмѣстѣ съ этимъ своимъ цѣнностнымъ аспектомъ, онъ существуетъ для субъекта, какъ нѣчто **удовлетворяющее** или неудовлетворяющее его. Въ развитой сознательной жизни субъекта эта сторона проявленій его выражается въ болѣе или менѣе сложныхъ и разнообразныхъ **чувствахъ**, положительныхъ или отрицательныхъ, а на низшихъ ступеняхъ жизни — въ элементарномъ переживаніи **пріятія** или **непріятія**, которое мы назвали словомъ **предчувство**, такъ какъ оно, въ силу своей простоты, стоитъ ниже сознательнаго чувства пріятности или непріятности. Такія элементарныя досознательныя переживанія можно назвать **психоидными** въ отличіе отъ сознательныхъ **психическихъ** состояній.

Итакъ, существованіе проявленій для субъекта, названное нами его переживаніями, есть не просто теоретическое, но и практическое бытіе для него, выражающееся въ чувствахъ или, по крайней мѣрѣ, въ аналогахъ чувства*).

Въ описанномъ строеніи реальнаго бытія, творимаго субстанціальнымъ дѣятелемъ, заключаются важнѣйшія условія цѣнности, какъ значенія бытія: спаянность событій отношеніями, трансцендированіе ихъ за предѣлы своей ограниченности, существованіе ихъ для дѣятеля-субъекта, какъ его проявленій и переживаній, вслѣдствіе чего можно говорить о длясебябытіи субъекта въ нихъ.

2. Имманентность всего всему.

Надобно однако тотчасъ же отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ мірѣ есть не одинъ, а множество субстанціальныхъ дѣятелей, каждый со своею особенною сферою проявленій и переживаній: это положеніе устанавливается непосредственнымъ наблюденіемъ, показывающимъ, что различныя событія суть проявленія различныхъ дѣятелей; напр., если я внимательно слушаю пѣніе артиста и поддерживаю тяжелую тетрадь съ нотами для него, я непосредственно усматриваю, что вниманіе есть

*) Въ книгѣ С. Франка «Душа человѣка» прекрасно обрисованъ моментъ переживанія, но онъ разсматривается въ ней, какъ признакъ душевности, т. е. принадлежности къ области психическаго. Отличіе моего взгляда состоитъ въ томъ, что я отношу къ области психическаго и психоиднаго лишь такія проявленія я, которыя оформлены однимъ лишь временемъ, т. е. не имѣютъ пространственнаго оформленія.

Библиотека "Руниверс"

мое проявленіе, пѣніе — проявленіе артиста, а давленіе на мою руку исходитъ отъ тетради.

Косвеннымъ подтвержденіемъ наличія многихъ субстанціальныхъ дѣятелей служитъ то обстоятельство, что многія проявленія направлены *другъ противъ друга*, имѣютъ характеръ *противоборства* и *взаимостѣсненія*, напр., таковы проявленія ненависти между людьми, таковы явленія матеріальнаго взаимоотталкиванія въ пространствѣ и т. п.

Проявленія различныхъ субстанціальныхъ дѣятелей не обособлены другъ отъ друга: реальное бытіе, творимое дѣятелемъ, соотнесено не только съ остальными проявленіями того же дѣятеля, но и со всѣми проявленіями другихъ субстанціальныхъ дѣятелей, образуя единый космосъ. Общія рамки этого космоса суть пространство, время, число и т. п. формы, сообразно которымъ каждый дѣятель осуществляетъ свои проявленія. Принципы этихъ формъ, составляющіе предметъ изслѣдованія логики и математики, суть невременные и непространственные, слѣдовательно, *идеальныя* начала. Отъ конкретно-идеальныхъ началъ, т. е. отъ субстанціальныхъ дѣятелей, они отличаются своею ограниченною опредѣленностью, пассивностью и несамостоятельностью. Въ самомъ дѣлѣ, оформлять событія эти начала могутъ не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку субстанціальные дѣятели творятъ свои проявленія *сообразно* этимъ началамъ; поэтому ихъ можно назвать *отвлеченно-идеальными* началами. Они *численно тожественны* для всѣхъ субстанціальныхъ дѣятелей, слѣдовательно, дѣятели не обособлены другъ отъ друга по своему бытію: каждый дѣятель обладаетъ самостоятельною творческою силою дѣйствованія, но всѣ они вмѣстѣ, какъ носители

однихъ и тѣхъ же отвлеченно-идеальныхъ принциповъ, спаяны во-едино. Эту спаянность ихъ можно назвать единосущіемъ.

Спаянность дѣятелей нашего царства бытія глубоко отличается отъ того конкретнаго единства, которое мыслится въ христіанскомъ догматѣ единосущія трехъ лицъ Пресвятой Троицы, любовно усваивающихъ все конкретное содержаніе другъ друга и потому живущихъ единодушно: найденное нами въ мірѣ единосущіе создаетъ лишь отвлеченныя формы единства, общія рамки космоса, въ которыя можетъ быть вмѣщено и единодушіе любви, и враждебное противоборство, и союзы, эгоистически расчетливо основанные на общей выгодѣ; поэтому оно можетъ быть названо отвлеченнымъ единосущіемъ*).

Благодаря спаянности субстанціальныхъ дѣятелей другъ съ другомъ въ формѣ отвлеченнаго единосущія, проявленія каждаго дѣятеля соотнесены не только другъ съ другомъ, но и съ проявленіями всѣхъ другихъ дѣятелей. Мало того, они такъ координированы, что существуютъ не только для того дѣятеля, который творитъ ихъ, какъ свое переживаніе, но и для всѣхъ остальныхъ дѣятелей: въ мірѣ все имманентно всему.

Трансцендированіе каждаго дѣятеля за предѣлы себя, охватывающее всѣхъ другихъ дѣятелей и ихъ проявленія, не есть еще сознаніе внѣшняго міра, но оно есть важное условіе для развитія такого сознанія, и по-

---

*) О значеніи понятія единосущія для метафизики мірового бытія см. «Столпъ и утвержденіе истины» отца П. Флоренскаго. — Различеніе двухъ видовъ единосущія и примѣненіе понятія ихъ для ученія о строеніи космоса см. въ моей книгѣ «Міръ какъ органическое цѣлое».

Библиотека "Руниверс"

тому можетъ быть названо предсознаніемъ (см. также выше стр. 45). Благодаря этому строенію бытія, на высшихъ ступеняхъ развитія жизни возможно возникновеніе сознанія и знанія, въ теоретической дѣятельности возможна интуиція, т. е. актъ непосредственнаго созерцанія и опознанія чужого бытія, а въ практической жизни, въ жизни чувства и воли возможна симпатія и любовь, т. е. принятіе къ сердцу чужихъ переживаній въ подлинникѣ и борьба за нихъ, какъ если бы они были нашими собственными (но отсюда также возникаетъ возможность и той глубокой антипатіи и ненависти, которыя направляются непосредственно противъ самыхъ корней жизни другого существа). На низшихъ ступеняхъ это практическое отношеніе выражается въ элементарномъ психоидномъ пріятіи или непріятіи чужого бытія, которое можно назвать предчувствомъ.

3. Богъ и Царство Божіе.

Міръ, состоящій изъ дѣятелей, самостоятельныхъ, поскольку они творятъ свои проявленія въ пространствѣ и времени, но связанныхъ отвлеченнымъ единосущіемъ, обусловливающимъ единую форму (пространство, время и т. п.), не можетъ самъ быть причиною себя; онъ предполагаетъ единый творческій источникъ своего происхожденія, благодаря которому дѣятели суть члены единой системы отношеній. Этотъ источникъ міра можетъ быть мыслимъ только, какъ начало Сверхсистемное, Сверхміровое, несоизмѣримое съ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Оно было связано съ міромъ хотя бы только отношеніемъ частичнаго тоже-

ства и противорѣчія, Оно было бы членомъ системы и опять поднялся бы вопросъ о болѣе высокомъ началѣ, обусловливающемъ эту систему*).

Въ религіозномъ опытѣ Сверхміровое начало дано, какъ Живой Личный Богъ. Отсюда однако не получается противорѣчія между мышленіемъ и религіознымъ опытомъ: начало, несоизмѣримое съ міромъ, конечно, должно быть Сверхличнымъ, но это не мѣшаетъ ему, особенно въ отношеніи къ міру, принимать также и характеръ личнаго бытія. Отличіе отъ мірового бытія остается безусловнымъ: міровое личное бытіе не можетъ стать выше своей личной формы, оно есть личность; наоборотъ, Сверхміровое начало обладаетъ личнымъ бытіемъ, не исчерпываясь имъ; поэтому, если въ Откровеніи оно изображается, какъ Три Лица, наше мышленіе можетъ примириться и съ этимъ утвержденіемъ, не пытаясь, конечно, доказывать его, но стараясь только осознать его въ идеѣ Сверхличнаго начала, которому доступно и Личное бытіе.

Сверхфилософская идея Троичной Личной жизни въ абсолютной полнотѣ Божественнаго бытія имѣетъ первостепенное значеніе для всѣхъ основныхъ философскихъ проблемъ, также и для проблемы цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь Пресвятой Троицы, жизнь Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого есть «единство безъ сліянія, различіе безъ розни», какъ это выразилъ Н. Ф. Федоровъ*). Индивидуальное своеобразіе каждаго изъ этихъ трехъ Лицъ есть источникъ взаимнаго обогащенія Ихъ, а не стѣсненія и обѣдненія, потому что въ Ихъ общеніи вполнѣ реализовано кон-

*) См. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое», гл. V.

*) Н. Федоровъ, Философія общаго дѣла, 2 изд., Харбинъ, 1929,

Библиотека "Руниверс"

кретное единосущіе: Три Лица Св. Троицы на основѣ совершенной взаимной любви, полнаго взаимопріятія и взаимоотдачи осуществляютъ завершенное единодушіе, создающее богатство и полноту общей жизни. Составъ и содержаніе этой Божественной жизни есть прообразъ всѣхъ сторонъ добра въ нашемъ земномъ бытіи. Богословы опознаютъ это глубокое жизненное значеніе Троичности путемъ холоднаго философскаго размышленія, а святые люди непосредственно переживаютъ животворящій смыслъ догмата въ своемъ религіозномъ опытѣ. Св. Сергій Радонежскій построилъ на мѣстѣ будущей обители первую церковь, посвятивъ ее Пресвятому Имени Живоначальной Троицы, какъ образъ единства въ любви, дабы, взирая на этотъ образъ, люди побѣждали въ себѣ ненавистное раздѣленіе міра. Троичность, какъ Любовь и какъ выраженіе соборности Абсолютнаго субъекта, была предметомъ непосредственнаго созерцанія святого*).

Отвлеченное единосущіе субстанціальныхъ дѣятелей есть основа возможности свободнаго осуществленія ими конкретнаго единосущія. Благодаря отвлеченному единосущію все имманентно всему: всѣ проявленія каждаго субстанціальнаго дѣятеля имѣютъ значеніе не только для него, но и для всѣхъ другихъ дѣятелей; все, что есть въ мірѣ, дополняетъ сферу жизни каждаго существа, обогащаетъ или умаляетъ ее, содѣйствуетъ или противодѣйствуетъ ей. Все, что вступаетъ въ сферу жизни субъекта принимается имъ не безучастно, а вызываетъ съ его стороны реакцію чувства или, по крайней мѣрѣ, аналога чувства

---

*) См. о. С. Булгаковъ «Благодатные завѣты преп. Сергія русскому богословствованію», «Путь» 1926 г. № 5.

въ формѣ пріятія или непріятія. Творческая активность субстанціальнаго дѣятеля, осуществляющаяся на основѣ найденнаго строенія бытія, имѣетъ осмысленный цѣлестремительный характеръ: будучи сверхвременнымъ, дѣятель способенъ предвосхищать цѣнное будущее, какъ возможность, проникаться къ нему чувствомъ и сознательнымъ хотѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, психоиднымъ стремленіемъ и, сообразно стремленію, совершать дѣйствія въ настоящемъ ради будущаго на основѣ прошлаго опыта («историческій базисъ реакціи», согласно терминологіи Дриша).

Желаніе и цѣлестремительная активность могутъ быть направлены не иначе, какъ на реализацію предвосхищаемой положительной цѣнности. Если это цѣнность относительная, производная, служебная, то стремленіе къ ней обусловлено въ конечномъ итогѣ болѣе глубокимъ влеченіемъ, послѣднимъ и основнымъ стремленіемъ къ абсолютной самоцѣнности. Такая предѣльная самоцѣнность, въ которой совмѣщаются всѣ положительныя цѣнности, и гдѣ нѣтъ раздѣленія на цѣнность и бытіе, есть абсолютная полнота бытія; симптомъ ея есть чувство совершеннаго удовлетворенія, блаженство. Подлинною конечною цѣлью всякой дѣятельности всякаго существа служитъ эта абсолютная полнота бытія. Но она дана въ Богѣ и есть Богъ; слѣдовательно, всякое существо стремится къ участію въ Божественной полнотѣ бытія и къ обоженію.

Ученіе о стремленіи міра къ Богу, какъ абсолютно цѣнному началу, очень распространено въ философіи. Согласно Аристотелю, міръ въ цѣломъ съ любовью стремится къ Богу, какъ своей конечной цѣли (см. напр. Метаф. XII (Л) 7, 1072). Діонисій Ареопа-

Библиотека "Руниверс"

гитъ (Псевдо-Діонисій) утверждаетъ, что все стремится къ Сверхсущему, которое есть основа совершенства всякаго существа («О божественныхъ именахъ», I, 6, 7); такое же ученіе развиваетъ и св. Максимъ Исповѣдникъ (напр.,De Ambiguis, III гл., XXXVII. гл.) Бл. Августинъ говоритъ: «Res igitur, quibus fruendum est, Pater et Filius et Spiritus Sanctus, eademque Trinitas, una quædam summa res, communisque omnibus fruentibus ea» (De Doctrina Christiana, кн. I, гл. V, 5); подъ словомъ frui онъ разумѣетъ: «amore alicui rei inhærere propter seipsam («прилежать къ какой либо вещи изъ любви ради нея самой», такъ же, гл. IV, 4). Альбертъ Великій, ссылаясь на Аристотеля и Діонисія Ареопагита, говоритъ, что Богъ есть «конечная цѣль, желаемая всѣми», «божественное добро есть цѣль всѣхъ»; даже камень «стремится быть единымъ; въ единствѣ его частей заключается сохраненіе его; и это единеніе есть тѣнь перваго хранящаго начала, которое само по себѣ есть хранящее и единящее»; всѣ частные случаи добра производны изъ основного; такимъ образомъ, ближайшія цѣли различны, но конечная цѣль едина (Summa theologiæ, p. I, tr. XIII, qu. 55, memb. 3). Согласно ученію св. Ѳомы Аквинскаго, Богъ есть конечная цѣль человѣка и всѣхъ разумныхъ существъ; что же касается неразумныхъ существъ, Онъ ихъ конечная цѣль лишь, поскольку они «причастны какому либо сходству съ Богомъ» (similitudo, но не imago Dei, Summa theologica, p. II отд. I, qu. I, art. VIII). Іоаннъ Скоттъ Эріугена видитъ завершеніе исторіи въ томъ, что «вся тварь соединится съ Творцомъ и будетъ въ Немъ и съ Нимъ единою» безъ гибели или смѣшенія сущностей и субстанцій (De divisione naturæ, кн. V, 20).

Въ новой философіи можно найти множество примѣровъ подобныхъ ученій. Упомяну лишь Вл. Соловьева, который въ своемъ «Оправданіи добра» намѣчаетъ ученіе объ основныхъ этапахъ эволюціи, какъ ступеняхъ обрѣтенія средствъ для восхожденія къ Царству Божію (глава IX, 4) *).

Что касается человѣка, ученіе о томъ, что подлинная конечная цѣль есть обоженіе (ϑέωσις), признано едва ли не всѣми Отцами Церкви, касавшимися этого вопроса, особенно Восточными.

4. Любовь и свобода.

Дѣятель, находящійся въ отношеніи противоборства къ другимъ дѣятелямъ, проявляющій стремленія по самому существу своему несогласимыя со стремленіями другихъ дѣятелей, т. е. эгоистически исключительныя, осуществляетъ содержанія бытія, весьма обѣдненныя, такъ какъ принужденъ опираться только на свою изолированную творческую силу. Вмѣсто абсолютной полноты получается чрезвычайная скудость бытія. Крайняя степень этой скудости, извѣстная современной наукѣ, есть бытіе изолированнаго электрона. Выходъ изъ состоянія обособленія и обѣдненія можетъ быть достигнутъ, поскольку два или нѣсколько субстанціальныхъ дѣятелей усваиваютъ хотя бы нѣкоторыя стремленія другъ друга, прекращаютъ хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоборство другъ противъ друга и сочетаютъ свои силы для совмѣстной дѣятельности. Един-

---

*) См. мою статью «Ученіе Вл. Соловьева объ эволюціи» (Жр. Рус. Нар. Унив. въ Прагѣ, 1931).

Библиотека "Руниверс"

ство и цѣльность ея мыслима лишь при условіи, что нѣсколько дѣятелей усваиваютъ болѣе сложное и содержательное стремленіе дѣятеля, превзошедшаго ихъ своею творческою изобрѣтательностью, вступаютъ съ нимъ въ союзъ на болѣе или менѣе продолжительное время, превращаясь какъ бы въ органы для выполненія той или другой стороны совмѣстной дѣятельности. Примѣромъ такихъ союзовъ можетъ служить объединеніе электроновъ и протоновъ, дающее атомъ, далѣе — молекула, одноклѣточный организмъ, многоклѣточный организмъ, общество и т. п., наконецъ, вселенная, какъ цѣлое. Каждая слѣдующая ступень единства обнаруживаетъ, благодаря сочетанію силъ, болѣе высокую, сложную и разнообразную активность, чѣмъ предыдущія. На основѣ отвлеченнаго единосущія здѣсь осуществляются все болѣе высокія ступени конкретнаго единосущія.

Высшая ступень конкретнаго единосущія достигается путемъ единенія съ Богомъ и въ Богѣ со всѣмъ міромъ; это единеніе можетъ быть совершеннымъ не иначе, какъ на основѣ любви къ Богу и всѣмъ существамъ міра, такъ какъ только любовь есть совершенное пріятіе чужого бытія. Дѣятели, проникнутые совершенною любовью къ Богу и всему міру, образуютъ Царство Божіе, въ которомъ они достигаютъ абсолютной полноты бытія и предѣльнаго совершенства.

Любовь возможна только какъ свободное проявленіе дѣятеля. Всякое принудительное пріятіе чужого бытія возникаетъ изъ разсчета или изъ страха или вообще въ силу какого либо эгоистическаго стремленія и потому можетъ быть только частичнымъ, такъ какъ всякое эгоистическое проявленіе есть бытіе частичное, не объемлющее всей полноты бытія.

Итакъ, вмѣстѣ съ любовью и свобода есть необходимое условіе абсолютной полноты бытія и предѣльнаго совершенства. Только свободное существо можетъ быть совершеннымъ.

Отсюда возникаетъ существенный для онтологіи вопросъ, обладаютъ ли субстанціальные дѣятели свободою. Эта труднѣйшая философская проблема требуетъ особаго изслѣдованія. Оно произведено мною въ книгѣ «Свобода воли»; въ ней я доказываю свободу субстанціальнаго дѣятеля, развивая динамистическое понятіе причинности, согласно которому возникновеніе всякаго событія есть творческій актъ дѣятеля, не вынуждаемый никакими внѣшними условіями: все, что находится и происходитъ внѣ дѣятеля, можетъ быть только поводомъ для проявленія его творческой активности, но не можетъ быть причиною, производящею перемѣну въ немъ. Что же касается самого дѣятеля, всѣ качественныя опредѣленности, присущія ему, напр., свойства характера его, суть нѣчто производное изъ его собственной дѣятельности: надъ ними стоитъ сверхкачественная творческая сила дѣятеля, созидающая качественно опредѣленныя событія; такимъ образомъ дѣятель детерминируетъ событія, но не детерминируется ими.

Свобода дѣятелей, какъ существенное условіе возможности любви, а, слѣдовательно, и совершенства божественной полноты бытія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и условіе возможности зла въ мірѣ. Основное первое избраніе пути жизни субстанціальными дѣятелями состоитъ въ томъ, что, стремясь къ абсолютной полнотѣ бытія, нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ безкорыстную любовь

Библиотека "Руниверс"

къ этому совершенству въ Богѣ и, ставъ членами Царства Божія, пріобщаются къ полнотѣ бытія Его путемъ дѣятельности, согласной съ Нимъ и всѣми членами Царства Его; они удостаиваются обоженія. Наоборотъ, другіе дѣятели задаются цѣлью достигнуть абсолютной полноты бытія вполнѣ или отчасти внѣ Бога, путемъ дѣятельности по своему плану и самочинному избранію. На этомъ пути осуществляются различныя, крайне разнообразныя ступени отпаденія отъ Бога и эгоистической исключительности.

Отыскивая условія возможности цѣнностей, мы пришли къ нѣкоторымъ существеннымъ положеніямъ метафизической системы, развитой въ моей книгѣ «Міръ какъ органическое цѣлое», гдѣ я обозначаю Царство Божіе или царство любви также терминомъ Царство Духа, а область существъ, находящихся въ состояніи отпаденія отъ Бога, царствомъ вражды или психо-матеріальнаго бытія. Придерживаясь динамистической теоріи матеріи я отстаиваю въ этой книгѣ мысль, что матеріальные процессы о т т а л к и в а н і я, создающіе н е п р о н и ц а е м ы е о б ъ е м ы, возникаютъ на основѣ психическихъ и психоидныхъ стремленій, содержащихъ въ себѣ хотя бы отчасти э г о и с т и ч е с к і й моментъ. Такимъ образомъ, непроницаемая (относительно) матерія есть слѣдствіе о т п а д е н і я о т ъ Б о г а и отъ царства совершенной любви. Члены Царства Божія, далекіе отъ какихъ бы то ни было проявленій эгоизма, не совершаютъ дѣйствованій о т т а л к и в а н і я и, слѣдовательно, не обладаютъ непроницаемыми тѣлами; ихъ п р е о б р а ж е н н ы я д у х о н о с н ы я тѣла состоятъ изъ такихъ лишь пространственныхъ эстетическихъ содержаній, какъ свѣтъ, звукъ, тепло, ароматъ и т. п., которыя взаимопроницаемы. Въ этомъ Царствѣ поэтому

осуществляется не только совершенное единодушіе, но и совершенное общеніе тѣлъ*).

Словами «духъ» и «духовный» я обозначаю здѣсь всѣ тѣ идеальныя основы міра, конкретныя и отвлеченныя, которыя служатъ условіемъ возможности Царства Божія, а также всѣ тѣ, не оформленные пространственно процессы, которые не содержатъ въ себѣ никакой эгоистической исключительности и потому, даже и созидая пространственную духоносную тѣлесность, образуютъ единство, обладающее въ высшей степени органическою цѣльностью. Въ Царствѣ Духа 1) каждая часть существуетъ для цѣлго, 2) цѣлое существуетъ для каждой части и 3) каждая часть есть цѣлое въ нѣкоторомъ особомъ аспектѣ его.

Это строеніе Царства Божія необходимо приводитъ къ понятію индивидуальнаго бытія, какъ важнѣйшаго условія и вмѣстѣ съ тѣмъ существеннаго момента совершенства; къ разсмотрѣнію его мы и приступимъ теперь.

---

*) См. мою статью «О воскресеніи во плоти», Путь. 1931. Ученіе о томъ, что непроницаемая тѣлесность есть слѣдствіе отпаденія отъ Бога, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ довольно часто встрѣчается въ философіи. Напр., оно развито Оригеномъ, Эріугеною (De divisione naturæ, кн. II, 9), въ новой философіи — Ренувье, Вл. Соловьевымъ («Чтенія о богочеловѣчествѣ», чт. IX). Въ формѣ психологистическаго и субъективистическаго ученія о матеріи, именно въ видѣ утвержденія, что матерія есть лишь иллюзорное представленіе, обусловленное нашимъ эгоизмомъ, это ученіе высказывается въ Christian Science, въ русской литературѣ — въ философіи П. Н. Николаева «Изслѣдованіе нашего сознанія».

Библиотека "Руниверс"

5. Индивидуальное бытiе.

Индивидуально то, что обладаетъ неповторимымъ въ мiрѣ своеобразiемъ по бытiю и цѣнности; индивидуальное единственно и незамѣнимо*).

Слѣдуетъ различать два вида индивидуальнаго: индивидуальное событiе и индивидуальное существо или индивидуумъ. Первое принадлежитъ къ области реальнаго, второе — къ области идеальнаго бытiя. Въ понятiе индивидуума, кромѣ признаковъ единственности и незамѣнимости, входитъ еще признакъ недѣлимости. При этомъ имѣется въ виду не относительная недѣлимость (напр., которую имѣетъ въ виду Рикертъ, говоря, что бриллiантъ Кохинуръ можетъ быть, конечно, раздробленъ на множество частей, однако тогда уже не будетъ того исключительнаго по своей цѣнности индивидуума, который носитъ имя собственное Кохинуръ), а недѣлимость абсолютная: она принадлежитъ тому бытiю, которое никакими силами и средствами не можетъ быть раздроблено. Такая абсолютная неразложимость мыслится, напр., въ понятiи монады Лейбница или атома Демокрита.

Выставленныя положенiя содержатъ въ себѣ пока лишь условное опредѣленiе (въ традицiонной логикѣ такое опредѣленiе называется номинальнымъ) индивидуальнаго: въ немъ имѣется въ виду не найденный, а предположенный предметъ. Теперь надо перейти къ

---

*) Цѣнностная сторона индивидуальнаго, именно его незамѣнимость, выдвинута Рикертомъ; см. также соображенiя о ней у **Г. Д. Гурвича** въ его Fichte' s System der konkreten Ethik.

вопросу, можно ли превратить это опредѣленіе въ **категорическое** (въ реальное), т. е. установить, что въ мірѣ дѣйствительно существуютъ предметы, подходящіе подъ это опредѣленіе*).

Рѣшеніе этого вопроса мы попытаемся получить здѣсь, исходя изъ понятія цѣнности, хотя онъ, какъ основной, можетъ быть рѣшенъ также и всевозможными другими путями. Цѣнности существуютъ не иначе, какъ въ соотношеніи съ абсолютною полнотою бытія, о которой установлено уже, что она есть абсолютная самоцѣнность, содержащая въ себѣ совпаденіе бытія и цѣнности. Абсолютная полнота бытія есть нѣчто единственное и незамѣнимое никакою другою цѣнностью, т. е. индивидуальное. Нужно только отдать себѣ отчетъ, принадлежитъ ли это индивидуальное начало къ составу бытія только, какъ возможность, или оно есть уже осуществленная дѣйствительность.

Цѣнности мірового бытія такъ же, какъ и само міровое бытіе, существуютъ не иначе, какъ на основѣ Сверхмірового начала, а это Начало, поскольку Оно есть Богъ, есть абсолютная полнота бытія. Итакъ, по крайней мѣрѣ, одно индивидуальное начало, именно Богъ, существуетъ не только какъ возможность, но и какъ дѣйствительность.

Согласно христіанскому Откровенію, эта абсолютная полнота бытія есть не одно, а три индивидуальныя начала: Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ (Логосъ) и Богъ-Духъ Святой. Отсюда вовсе не получаются три экземпляра абсолютной полноты бытія: три индивидуальныя начала мыслятся въ христіанскомъ догматѣ проникнутыми

---

*) О номинальныхъ (условныхъ) и реальныхъ (категорическихъ) опредѣленіяхъ см. мою «Логику», § 51.

Библиотека "Руниверс"

другъ къ другу совершенною любовью и, слѣдовательно, участвующими сполна въ жизни другъ друга, такъ что абсолютная полнота бытія ихъ есть нѣчто единое и единственное. Въ категоріяхъ міроваго порядка она не можетъ быть выражена адекватно: слова бытіе, индивидуальный и т. п. употребляются въ примѣненіи къ ней въ несобственномъ смыслѣ, лишь по аналогіи. Формы пространства и времени также не необходимы для этой сферы: Божественная полнота бытія есть полнота и безъ дѣйствій во времени.

Въ составѣ міра субстанціальные дѣятели, носители сверхкачественной творческой силы, сами по себѣ не составляютъ абсолютной полноты бытія: содержательное существованіе достигается ими не иначе, какъ путемъ творческой дѣятельности во времени, т. е. путемъ осуществленія реальнаго окачествованнаго бытія. Эта дѣятельность не можетъ сводиться только къ акту созерцанія, направленнаго на Бога, какъ чужое бытіе, и на проявленія другихъ дѣятелей, какъ чужое бытіе. Такое пріобщеніе дѣятеля къ чужой жизни извнѣ, путемъ одного лишь созерцанія, не было бы въ немъ самопереживаніемъ абсолютной полноты бытія, какъ его бытія. Достигнуть этой цѣли можно не иначе, какъ путемъ собственнаго содержательнаго творчества, но не изолированнаго, а сочетающаго творческую силу дѣятеля съ силою Господа Бога и всѣхъ другихъ дѣятелей, поскольку они идутъ по пути совершеннаго единенія съ Богомъ, т. е. любви къ Богу. Такое творчество многихъ дѣятелей, основанное на любовномъ пріятіи бытія другъ друга, есть соборное созиданіе единаго цѣлаго; въ немъ осуществляется полнота бытія, какъ самопереживаніе каждаго изъ участниковъ созиданія цѣлаго; это не есть второй экземпляръ абсолют-

Библиотека "Руниверс"

ной полноты бытія, стоящій рядомъ съ полнотою бытія Бога: это есть полнота Божественнаго бытія съ дѣятельнымъ соборнымъ участіемъ въ ней тварей Божіихъ.

Отпаденіе множества дѣятелей отъ Бога не ведетъ къ умаленію полноты бытія Царства Божія: тамъ, гдѣ въ основѣ лежитъ Божественная безконечность жизни, присоединеніе или обособленіе отдѣльныхъ единицъ не создаетъ увеличенія или умаленія. Это присоединеніе или отдѣленіе есть безконечное пріобрѣтеніе или безконечная утрата для тварнаго дѣятеля, но не для Бога и Царства Божія.

Полнота бытія въ Царствѣ Божіемъ не есть сверхвременный покой. Наоборотъ, члены этого Царства проявляютъ высшую степень творческой дѣятельности, созидающей все новыя и новыя безконечно сложныя содержанія бытія, однако, безъ забвенія уже сотворенныхъ ими абсолютно цѣнныхъ твореній, при потенціальномъ наличествованіи будущаго въ настоящемъ. Благодаря этой имманентности прошлаго и будущаго въ настоящемъ полнота бытія въ Царствѣ Божіемъ не терпитъ ущерба отъ временной формы реальнаго аспекта ея *).

Всякій творческій актъ въ Царствѣ Божіемъ вноситъ въ составъ его новое безконечно сложное индивидуальное содержаніе, т. е. представляетъ собою нѣчто неповторимо своеобразное и въ предѣлахъ міроваго

---

*) О цѣлесообразности забвенія, т. е. частичной смерти въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія, о невозможности забвенія въ Царствѣ Божіемъ, гдѣ всякій актъ есть воплощеніе абсолютной цѣнности, и о своеобразномъ типѣ времени въ Царствѣ Божіемъ см. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое», гл. VI.

Библиотека "Руниверс"

бытія незамѣнимо цѣнное. Въ самомъ дѣлѣ, всякое проявленіе дѣятеля имѣетъ здѣсь характеръ активнаго соучастія въ соборномъ творчествѣ всѣхъ остальныхъ дѣятелей, что возможно не иначе, какъ путемъ привнесенія *новаго* своеобразнаго дѣйствія, такъ соотнесеннаго со всѣми остальными содержаніями, чтобы образовать съ ними единое цѣлое. Повторенія того, что уже совершено или совершается не имѣли бы смысла ни для другихъ, ни для самого дѣятеля въ Царствѣ Духа, гдѣ есть полное взаимопроникновеніе дѣятельностей и нѣтъ забвенія; повторенія имѣли бы смыслъ только при большей или меньшей изолированности дѣятелей, т. е. въ Царствѣ психо-матеріальнаго бытія. Такимъ образомъ реальные процессы могутъ быть только сполна индивидуальными въ Царствѣ Духа: находясь въ гармоническомъ соотношеніи со всѣми остальными событіями, каждый изъ нихъ имѣетъ своеобразное назначеніе и значеніе въ цѣломъ, незамѣнимое другими событіями міра. Согласно опредѣленію Франка, «индивидуальное или единственное есть всецѣло или совершенно опредѣленное именно въ томъ смыслѣ, что оно опредѣлено (въ противоположность логической, т. е. общей опредѣленности) не одной лишь внѣвременной стороной всеединства, а конкретнымъ всеединствомъ во всей его цѣлостности»*).

Всѣ дѣйствія членовъ Царства Божія индивидуальны, слѣдовательно, и сами дѣятели этого Царства суть *индивидуумы*: каждый изъ нихъ имѣетъ благодаря своей дѣятельности единственное значеніе для цѣлаго; при этомъ, каждый изъ нихъ, будучи сверхвременнымъ и сверхпространственнымъ, абсолютно недѣлимъ.

---

*) С. Франкъ, Предметъ знанія, стр. 415.

Библиотека "Руниверс"

Индивидуальный характеръ придаютъ субстанціальному дѣятелю не только его дѣйствованія, но и его идеальная сущность. Въ самомъ дѣлѣ, всякое дѣйствованіе во времени и пространствѣ есть реализація соотвѣтствующей идеи*). Такимъ образомъ индивидуальное участіе дѣятеля въ соборномъ творчествѣ Царства Божія выражено въ индивидуальной идеѣ его; она опредѣляетъ мѣсто дѣятеля въ Царствѣ Божіемъ, то назначеніе его въ мірѣ, исполненіе котораго сопутствуется обоженіемъ его. Слѣдовательно, такая индивидуальная идея есть «образъ Божій», присущій индивидууму. Какъ индивидуальный аспектъ соборнаго единенія индивидуума со всѣми остальными независимыми отъ него индивидуумами, она можетъ быть только первозданною «мыслью» Творца о творимомъ имъ индивидуумѣ. Свобода дѣятельности индивидуума не нарушается этою идеею его сущности: индивидуальная идея есть не природная, а нормативная сущность дѣятеля: онъ можетъ свободно принять ее къ руководству и осуществленію, но можетъ и отвергнуть реализацію ея*).

Дѣятель, отпадшій отъ Царства Божія, не утрачиваетъ своей индивидуальной идеи и формальной свободы: онъ остается возможнымъ членомъ Царства Божія. Такимъ образомъ, весь міръ состоитъ изъ индивидуальныхъ субстанціальныхъ дѣятелей. Остается только опредѣлить, каковы дѣйствованія ихъ въ психо-матеріальномъ царствѣ бытія, имѣютъ ли они индивидуальный характеръ.

---

*) См. объ идеальныхъ основахъ реальнаго бытія мою книгу «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиція» (вскорѣ будетъ напечатана).

*) См. мою книгу «Свобода воли», гл. VI, 4 «Свобода человѣка отъ своего характера».

Библиотека "Руниверс"

Въ нашемъ царствѣ бытія многія дѣйствія повторяются многократно съ удручающимъ однообразіемъ; они содержатъ въ себѣ моментъ не только положительной, но и отрицательной цѣнности и замѣстимы другъ другомъ въ своей обѣдненной положительной цѣнности. Если здѣсь и можно говорить объ индивидуальномъ характерѣ дѣйствія, все же это окажется такой видъ единичнаго, который глубоко отличается отъ индивидуальности дѣйствій въ Царствѣ Божіемъ: въ большинствѣ процессовъ психо - матеріальнаго бытія выступаетъ на первый планъ содержаніе, не индивидуальное, многократно повторимое и замѣстимое. И не удивительно. Дѣятели психо - матеріальнаго царства осуществляютъ стремленія, болѣе или менѣе эгоистически исключительныя, пребывая въ отношеніи изолированности и противоборства къ громадному большинству другихъ дѣятелей; ихъ дѣйствія вовсе не представляютъ собою безконечно содержательный аспектъ соборной полноты бытія; будучи соотнесены лишь съ нѣкоторыми содержаніями другихъ дѣятелей, обособленными отъ цѣлаго, абстрагированными, они сами имѣютъ обѣдненный, упрощенный характеръ. Въ этомъ смыслѣ даже и конкретное событіе психо-матеріальнаго царства есть абстракція въ сравненіи съ полнотою бытія Царства Божія. Вслѣдствіе своего эгоистическаго характера и противоборства средѣ, такое дѣйствіе не можетъ и не должно быть предметомъ полнаго соучастія, т. е. совершеннаго переживанія для другихъ дѣятелей, находящихся внѣ союза дѣятелей (внѣ даннаго атома, молекулы, организма, общества и т. п.), совершившихъ его; но за то въ виду своей упрощенности (оторванности отъ вселенскаго цѣлаго) оно можетъ быть повторено

Библиотека "Руниверс"

другими дѣятелями для себя и отчасти противъ другихъ путемъ подражанія или собственнаго изобрѣтенія. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе индивидуальный дѣятель отходитъ отъ соборнаго сочетанія силъ и опирается только на свою собственную творческую силу, тѣмъ менѣе онъ способенъ реализовать свою незамѣнимую индивидуальность, проявить себя какъ своеобразное, творчески оригинальное существо. Чѣмъ больше замкнутость въ себѣ, тѣмъ значительнѣе обѣдненіе дѣятельностей, приближеніе къ выразимости дѣйствія въ суммѣ общихъ отвлеченныхъ понятій. Высшая извѣстная намъ степень обособленности, бытіе изолированнаго электрона приводитъ къ крайне элементарнымъ дѣйствованіямъ отталкиванія и притяженія, повторимымъ въ однообразной формѣ множество разъ. Вмѣсто полноты получается бѣдность; вмѣсто совершенной самостоятельности и свободы крайняя зависимость отъ внѣшнихъ поводовъ для дѣйствованія и упадокъ положительной матеріальной свободы, т. е. творчества*).

Выходъ изъ этого обнищанія жизни достигается путемъ эволюціи, состоящей въ томъ, что дѣятели хотя бы частично прекращаютъ противоборство между собою, вступая въ союзы, все болѣе и болѣе сложные; въ этихъ союзахъ дѣятели низшихъ ступеней развитія, усваиваютъ стремленія болѣе высоко развитого дѣятеля, сочетаютъ свои силы для осуществленія ихъ подъ его руководствомъ; они становятся органами единаго, болѣе или менѣе сложнаго цѣлаго; такъ возникаетъ атомъ, далѣе молекула, одноклѣточный организмъ, многоклѣ-

---

*) См. о понятіи положительной матеріальной свободы въ отличіе отъ свободы только формальной мою книгу «Свобода воли».

Библиотека "Руниверс"

точный организмъ, общество и т. д. Каждая слѣдующая ступень есть изобрѣтеніе новаго болѣе высокаго типа бытія, дающаго возможность болѣе содержательной и разнообразной, болѣе богатой творческими активностями жизни.

Въ царствѣ бытія, сравнительно бѣдномъ творческою изобрѣтательностью, почти всякая такая новая форма жизни становится предметомъ подражанія, дѣлается болѣе или менѣе распространеннымъ типомъ жизни: бытіе въ формѣ кислорода, водорода, углерода и т. п., далѣе бытіе въ формѣ молекулъ воды, углекислоты и т. п.; далѣе, бытіе въ формѣ опредѣленныхъ видовъ растеній, животныхъ и т. п.

Каждая новая ступень жизни въ перечисленномъ ряду даетъ проявленія, все менѣе исчерпываемыя подведеніемъ ихъ подъ общія понятія: въ нихъ все болѣе выдвигается индивидуальный характеръ. Весь такой процессъ эволюціи можетъ быть разсматриваемъ, какъ постепенное возвращеніе дѣятелемъ способности осуществить свою индивидуальность, какъ ступени индивидуализаціи жизни. Однако не всякая линія эволюціи имѣетъ такой характеръ правильнаго восхожденія къ полнотѣ бытія. Субстанціальные дѣятели создаютъ новыя формы жизни посредствомъ свободныхъ творческихъ актовъ: они могутъ вступить и на такіе пути, которые ведутъ въ тупики, или приводятъ къ подмѣнѣ качественнаго разнообразія только количественнымъ богатствомъ (таковъ, напр., одинъ изъ соблазновъ паразитизма) или, послѣ ряда мнимыхъ обогащеній личной жизни, приводятъ къ особенно тяжелымъ формамъ распада вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій *).

*) См. мои статьи «Что не можетъ быть создано эволюціею?»

Библиотека "Руниверс"

Однако какъ бы ни была высока достигнутая ступень индивидуализаціи, все же пока остается на лицо какая-либо сторона распада, изоляціи дѣятелей и ихъ дѣйствій, вмѣстѣ съ нею сохраняется и возможность повтореній существенныхъ сторонъ дѣйствія. Поэтому все, что принадлежитъ къ царству психо-матеріальнаго бытія, можетъ быть классифицируемо, подводимо подъ общія понятія, распредѣляемо по видамъ, родамъ, семействамъ. Только въ Царствѣ Божіемъ подведеніе подъ общія понятія утрачиваетъ смыслъ, такъ какъ не выражаетъ сущности аспектовъ его.

Повторенія дѣйствія производятся не только различными дѣятелями, но и однимъ и тѣмъ же дѣятелемъ. Первый классъ повтореній обусловленъ распадомъ соборнаго единства дѣятелей, а второй классъ — распадомъ въ жизни каждаго отдѣльнаго дѣятеля.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія, содержащія въ себѣ хотя бы въ малой мѣрѣ моментъ эгоистической исключительности и, слѣдовательно, противоборства другимъ дѣятелямъ, не даютъ полноты бытія; они односторонни и по своему содержанію, и по своей цѣнности; поэтому они приводятъ только отчасти къ удовлетворенію, но отчасти и къ разочарованію. Восполнить ихъ простымъ одновременнымъ сочетаніемъ ихъ съ другою противоположною односторонностью невозможно: будучи связаны съ противоборствомъ, односторонности эти находятся другъ къ другу не только въ отношеніи идеальной противоположности, но и реальнаго взаимоисключенія. Мало того, даже и разнород-

---

(«Совр. Зап.», 1927, XXXIII) и «О природѣ сатанинской» (по Достоевскому) въ сборникѣ «Достоевскій», I т., подъ ред. Долинина, Прг. 1922.

Библиотека "Руниверс"

ныя совмѣстимыя содержанія, т. е. такія, которыя находятся другъ къ другу лишь въ отношеніи идеальной противоположности, а не реальнаго взаимоисключенія, часто не могутъ быть одновременно осуществлены дѣятелемъ вслѣдствіе ограниченности творческихъ силъ его, поскольку онъ изолированъ отъ другихъ дѣятелей*). Поэтому, переживъ одностороннее удовлетвореніе, дѣятель удаляетъ его въ область прошлаго путемъ забвенія и перехода нерѣдко къ противоположной односторонности, напр., отъ энергичной жизни въ обществѣ къ сосредоточенному одиночеству. Затѣмъ онъ опять возвращается къ первой дѣятельности и т. д. Не только отдѣльные поступки дѣятеля, но и цѣлыя системы жизни, типы, напр., растеній, животныхъ, обществъ, историческихъ эпохъ могутъ имѣть характеръ такихъ односторонних противоположностей.

Періодически возвращаясь къ прежнимъ дѣйствіямъ, индивидуумъ въ мѣру своей творческой изобрѣтательности не просто повторяетъ ихъ, а иногда и совершенствуетъ въ смыслѣ достиженія нѣсколько большей полноты, но, обыкновенно, эти измѣненія незначительны, такъ что типъ дѣйствія остается прежній. Значительный шагъ впередъ въ смыслѣ достиженія полноты содержанія, обыкновенно, требуетъ устраненія какихъ-нибудь видовъ эгоистической исключительности и перехода къ новому типу жизни, къ болѣе высокой ступени ея.

Повторимые дѣйствія и типы жизни не заключаютъ въ себѣ полноты бытія и, слѣдовательно, всегда содержатъ въ себѣ, кромѣ положительныхъ, также и отрицательныя цѣнности. Поэтому предметомъ стремленія,

---

*) См. о противоположности идеальной, дифференцирующей, и реальной, связанной съ взаимоисключеніемъ «Міръ какъ органическое цѣлое», гл. IV.

цѣлью поступковъ служитъ не весь конкретный составъ ихъ, а только нѣкоторые моменты ихъ состава. Если совокупность этихъ цѣнимыхъ моментовъ составляетъ содержанiе общаго понятiя, подъ которое можно подвести данный предметъ (дѣйствiе, существо съ такимъ то типомъ жизни и т. п.), то съ точки зрѣнiя данной цѣли, одинъ единичный предметъ замѣстимъ другимъ предметомъ того же класса, одна булочка бѣлаго хлѣба другою, одинъ солдатъ при наведенiи понтоннаго моста другимъ, одинъ профессоръ математики другимъ и т. п. Въ отношенiи къ опредѣленной, сравнительно бѣдной содержанiемъ цѣли единичные предметы разсматриваются не какъ индивидуальное бытiе, а какъ экземпляры класса, замѣстимые другъ другомъ. Даже и самъ себя индивидуумъ цѣнитъ иногда преимущественно на основанiи своихъ общихъ свойствъ. Такъ, бываютъ люди, которые даже и въ личномъ частномъ общенiи предпочитаютъ, чтобы ихъ называли не по имени отчеству, а путемъ указанiя титула, чина, должности. Ослабленiе реализацiи индивидуальнаго личнаго бытiя можетъ дойти, вслѣдствiе напр. робости передъ жизнью, до патологическихъ размѣровъ, до появленiя двойника, мнимо или реально вытѣсняющаго человѣка изъ жизни*).

Можно ли говорить о замѣстимыхъ другъ другомъ единичныхъ предметахъ, что они все же индивидуаль-

---

*) См. Б. Вышеславцевъ «Значенiе сердца въ религiи», «Путь», 1925, № 1. См. о проблемѣ двойника и связи ея съ проблемами конкретной этики изслѣдованiе Д. И. Чижевскаго «Къ проблемѣ двойника» въ книгѣ «О Достоевскомъ» I т. Сборникъ статей подъ ред. А. Бема, Прага 1929. См. также статью С. Гессена «Трагедiя добра въ Братьяхъ Карамазовыхъ Достоевскаго» («Совр. Зап.», 1928).

Библиотека "Руниверс"

ны, если взять ихъ сполна, какъ единичное конкретное цѣлое? — Паденіе этой капли дождя или, еще проще, движеніе этого электрона на протяженіи одного сантиметра есть событіе единичное, но подходитъ ли оно подъ понятіе индивидуальнаго событія? Все содержаніе такого простого событія, дѣйствительно, можетъ быть выразимымъ въ общемъ понятіи и потому не заключаетъ въ себѣ ничего единственнаго, неповторимо своеобразнаго. Однако если прибавить къ содержанію событія его отношеніе къ другимъ предметамъ, именно положеніе его во времени и въ пространствѣ, а также принадлежность его такому-то или такимъ-то дѣятелямъ, которые, какъ уже сказано, даже и въ состояніи паденія суть индивидуумы, благодаря своей нормативной идеѣ, то окажется, что всякое событіе занимаетъ единственное, неповторимое мѣсто во вселенной. Мало того, такъ какъ весь потокъ жизни во вселенной образуетъ единое цѣлое, то всякое событіе въ связи съ обстановкою, въ которой оно произошло (мѣсто событія), имѣетъ единственное значеніе, т. е. ничѣмъ не замѣнимую цѣнность для всего теченія міровой жизни. Такимъ образомъ, всякое единичное конкретное событіе, даже и въ психо-матеріальномъ царствѣ, индивидуально. Однако существуетъ глубокое различіе между характеромъ индивидуальности въ Царствѣ Божіемъ и въ психо-матеріальномъ царствѣ. Въ Царствѣ Божіемъ индивидуальный характеръ событія опредѣленъ изнутри всѣмъ его содержаніемъ, имѣющимъ мірообъемлющій характеръ, а въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія индивидуальный характеръ событія обусловленъ въ конечномъ итогѣ извнѣ, его формою, именно положеніемъ въ цѣломъ. Назовемъ первый видъ индивидуальнаго абсолютно индивидуальнымъ, а второй —

Библиотека "Руниверс"

относительно индивидуальнымъ. Въ составѣ перваго нѣтъ никакихъ моментовъ отрицательной цѣнности; въ составѣ второго всегда имѣется сочетаніе положительныхъ и отрицательныхъ цѣнностей.

Глубокое отличіе конкретнаго идеалъ-реализма отъ раціоналистическихъ системъ заключается въ изложенномъ ученіи о принципѣ индивидуаціи. Согласно раціоналистическимъ системамъ высшія первичныя основы бытія суть общія сущности, роды и виды; изъ видовой сущности индивидуумы получаются, какъ нѣчто производное, путемъ размноженія ея благодаря ирраціональному началу низшаго порядка, напр., благодаря матеріи, пріемлющей одну и ту-же видовую сущность (видовую форму) многократно и реализующей ее въ различныхъ мѣстахъ пространства и отрѣзкахъ времени. Такимъ образомъ индивидуальное низводится на степень экземпляровъ вида.

Наоборотъ, согласно конкретному идеалъ-реализму, первозданное бытіе состоитъ изъ индивидуальныхъ субстанціальныхъ дѣятелей; каждому изъ нихъ присуща индивидуальная нормативная идея Божія, какъ первозданная мірообъемлющая haecceitas («этостность»). Только въ состояніи отпаденія отъ Бога и изоляціи отъ другихъ дѣятелей индивидуумъ утрачиваетъ возможность выявить свою индивидуальность во всей полнотѣ и низводитъ свою жизнь на степень реализаціи общихъ идей, временно превращая себя въ экземпляръ того или другого вида, рода и т. п.

Абсолютно индивидуальное творчество, своеобразное по содержанію, неповторимое и незамѣнимое никакимъ другимъ міровымъ бытіемъ, есть осуществленіе образа Божія, присущаго субстанціальному дѣятелю, созиданіе въ немъ подобія Божія, сопутствуе-

Библиотека "Руниверс"

мое обоженіемъ по благодати; это есть дѣятельное соучастіе въ абсолютной полнотѣ бытія Бога и Царства Божія.

Достигается эта предѣльная ступень творчества на пути любви къ Богу и ко всѣмъ тварямъ Его, а не эгоистической замкнутости въ себѣ. Такимъ образомъ, абсолютно индивидуальное бытіе есть не зло, а добро — высшая положительная цѣнность. Отожествленіе личнаго индивидуальнаго своеобразія со зломъ, производимое напр., буддизмомъ, есть результатъ недоразумѣнія, именно смѣшенія индивидуальнаго своеобразія съ эгоистическою исключительностью, замкнутостью въ себѣ и противоборствомъ чужому бытію. Во избѣжаніе этого смѣшенія нужно точно отличать идеальную дифференцирующую противоположность и реальную противоположность. Идеальная дифференцирующая противоположность, не осложненная реальною противоположностью, даетъ содержанія бытія, совмѣстимыя другъ съ другомъ и взаимопроникающія другъ друга, какъ различные тона аккорда; она есть условіе совершенной полноты бытія.

6. Личность. Духовныя основы бытія.

Высшимъ условіемъ возможности цѣнностей оказалось въ составѣ міра бытіе субстанціальныхъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый есть индивидуумъ, надѣленный своеобразною идеею Божіею, какъ нормативною сущностью; каждый дѣятель обладаетъ сверхкачествен-

---

*) См. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое», гл. IV.

Библиотека "Руниверс"

ною творческою силою, которую онъ можетъ свободно употребить на осуществленіе своей нормативной идеи и, слѣдовательно, удостоиться быть членомъ Царства Божія. Дѣятель, осознавшій абсолютныя цѣнности и долженствованіе осуществлять ихъ въ своемъ поведеніи, есть личность. Даже и въ состояніи паденія, даже и на ступени электрона, атома, молекулы, субстанціальный дѣятель сохраняетъ всѣ тѣ данныя, правильное использованіе которыхъ можетъ поднять его на ступень личнаго бытія; поэтому даже и въ такомъ состояніи дѣятель есть, если не личность, то все же потенція личности. Въ самомъ дѣлѣ, даже и на низшихъ ступеняхъ бытія дѣятель есть индивидуальное существо, способное путемъ творческой цѣлестремительной активности подниматься на все болѣе высокія ступени вплоть до дѣйствительнаго личнаго бытія.

Такимъ образомъ, личность есть центральный онтологическій элементъ міра: основное бытіе есть субстанціальный дѣятель, т. е. или потенція личности или дѣйствительная личность. Все остальное, именно отвлеченныя идеи и реальные процессы, существуетъ или какъ принадлежность или какъ нѣчто производное отъ активности потенціально-личныхъ и дѣйствительно-личныхъ дѣятелей. Въ самомъ дѣлѣ, несубстанціальныя единства, такія напр. какъ засохшая вѣтка растенія или такія, какъ машина, посуда и т. п., производны отъ дѣятельностей потенціально-личныхъ и дѣйствительно личныхъ дѣятелей: мертвая вѣтка первоначально была органомъ живого растенія, машина построена человѣкомъ. Къ тому-же, каждое такое несубстанціальное единство, даже машина состоитъ изъ множества субстанціальныхъ дѣятелей, молекулъ, атомовъ, которые суть потенціально-личное бытіе.

Библиотека "Руниверс"

Философская система, утверждающая основное и центральное положеніе личнаго бытія въ составѣ міра, можетъ быть названа персонализмомъ. Признаніе іерархическихъ ступеней между субстанціальными дѣятелями, возникающихъ въ процессѣ развитія ихъ, можетъ быть обозначено терминомъ іерархическій персонализмъ. Такое ученіе можно назвать также панвитализмомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что всякое бытіе оно считаетъ живымъ бытіемъ. Утверждая это, я называю словомъ жизнь цѣлестремительную творческую активность, имѣющую характеръ длясебябытія.

Величайшій представитель персонализма въ исторіи философіи — Лейбницъ. Въ философіи XIX и XX в.в. въ числѣ персоналистовъ нужно упомянуть лейбниціанцевъ, напр., Тейхмюллера, Бострема, Лопатина, Козлова, Аскольдова и др. Различные виды персонализма представлены въ системахъ Ренувье, Лотце, Фехнера, Вундта, В. Штерна, англійскаго философа Ф. Шиллера и мн. др.; очень распространенъ персонализмъ въ американской философіи, напр., таково ученіе G. H. Howison, G. T. Ladd, B. P. Bowne, I. Royce и др.

Персонализмъ можетъ быть обоснованъ различными способами. Здѣсь мы подошли къ нему путемъ изслѣдованія условій цѣнности, именно такихъ ея условій, какъ длясебябытіе и значеніе всякаго бытія для другихъ существъ. Но можно обосновать персонализмъ также и путемъ изслѣдованія основной онтологической проблемы — условій бытійственности вообще. Такимъ путемъ развитъ персонализмъ въ моей книгѣ «Міръ какъ органическое цѣлое». Въ системахъ Лейбница, Ренувье, Тейхмюллера, Козлова, Аскольдова, Штерна можно найти основныя метафизическія умозрѣнія, устанав-

Библиотека "Руниверс"

ливающія, что бытіе въ подлинномъ смыслѣ слова принадлежитъ только личному или потенціально личному субъекту; все же, что не есть субъектъ, существуетъ на основѣ субъекта.

Такимъ образомъ, если Шелеръ говоритъ, что цѣнности могутъ существовать и безъ субъекта, такъ какъ онѣ находятся всюду въ природѣ, то мы согласимся съ нимъ лишь въ послѣдней части его утвержденія: да, цѣнности находятся въ природѣ повсюду, однако, изъ этого не слѣдуетъ, что онѣ существуютъ безъ субъекта: въ природѣ все пронизано субъективнымъ бытіемъ; всюду гдѣ есть что-нибудь, непремѣнно есть и кто-нибудь. Этотъ тезисъ о необходимости субъекта для всякаго что-нибудь, я утверждаю, конечно, не въ смыслѣ гносеологическаго идеализма, напр., не въ смыслѣ кантіанской теоріи знанія, а въ смыслѣ метафизическаго персонализма.

Можно еще общѣе выразить условія возможности цѣнности. Цѣнности возможны лишь въ томъ случаѣ, если основы бытія идеальны и притомъ духовны. Въ самомъ дѣлѣ, къ области духовно-идеальнаго принадлежатъ всѣ тѣ идеальные элементы и стороны бытія, которые служатъ условіемъ возможности Царства Божія: это, во-первыхъ, сами субстанціальные дѣятели, поскольку они сверхвременны и сверхпространственны, во-вторыхъ, отвлеченное единосущіе ихъ, всѣ отвлеченно-идеальныя формы единства космоса, координація дѣятелей и т. п. Эти духовныя основы бытія обусловливаютъ идеальную, т. е. непространственную и невременную взаимоимманентность даже и такихъ сторонъ бытія, какъ реальные процессы, событія, совершающіяся въ разныхъ мѣстахъ пространства и въ разныя времена. Эта идеальная взаимоимма-

Библиотека "Руниверс"

нентность есть условіе возможности смысловъ, значеній и цѣлей: она состоитъ въ томъ, что бытіе А и В существуютъ другъ для друга не посредствомъ механическаго воздѣйствія, толчка или давленія, не посредствомъ пространственной или временной смежности и послѣдовательности, а посредствомъ единства, независимаго отъ пространственно-временныхъ связей или разобщеній и механическихъ отношеній. Она обусловливаетъ идеальную направленность бытія А на бытіе В, въ силу которой А становится осмысленнымъ, а В его смысломъ. Такая связь, напр., существуетъ между интенціонально-психическими и физіологическими процессами рѣчи съ одной стороны, и тѣми предметами, которые рѣчь имѣетъ въ виду, съ другой стороны. Такая связь существуетъ въ цѣлестремительномъ актѣ между движеніемъ, руководимымъ интенціонально - психическимъ или психоиднымъ процессомъ, и цѣлью. Такая связь существуетъ во всякомъ цѣнностномъ значеніи одного бытія для другого, несмотря на пространственное и временное разобщеніе ихъ или принадлежность различнымъ субстанціальнымъ дѣятелямъ, напр., когда чистый голубой цвѣтъ свѣтового луча или арія, исполненная Шаляпинымъ, не безразличны для меня, потому что, осуществляясь реально внѣ меня, они идеально наличествуютъ и въ составѣ моей жизни, обогащая или обѣдняя ее.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОСНОВНЫЯ СВОЙСТВА ЦѢННОСТИ.

1. Опредѣленіе цѣнности.

Понятіе производной цѣнности легко можетъ быть опредѣлено: это — бытіе въ его значеніи для осуществленія абсолютной полноты бытія или удаленія отъ нея. Вся трудность заключается въ опредѣленіи первичной сверхміровой абсолютной положительной цѣнности: это — Богъ, какъ само Добро, абсолютная полнота бытія, сама въ себѣ имѣющая смыслъ, оправдывающій ее, дѣлающій ее предметомъ одобренія, дающій ей безусловное право на осуществленіе и предпочтеніе чему бы то ни было другому. Въ этомъ опредѣленіи нѣтъ разложенія на элементы, есть только указаніе на первичное начало и многословное, однако, все же не полное перечисленіе слѣдствій, вытекающихъ изъ него для ума и воли, въ какой либо мѣрѣ пріобщающихся къ нему (оправданность, одобреніе, признаніе права, предпочтеніе и т. п.).

Библиотека "Руниверс"

Также и опредѣленіе производной цѣнности не содержитъ въ себѣ разложенія на родъ и видовой признакъ, хотя грамматическая форма его по внѣшности такая же, какъ и въ опредѣленіи «квадратъ есть прямоугольникъ съ равными сторонами». Не слѣдуетъ обманываться этою видимостью. Въ опредѣленіи квадрата понятіе прямоугольникъ есть родъ, подъ который подходитъ квадратъ, какъ видъ; поэтому высказываніе, выдѣленное изъ состава опредѣленія — «квадратъ есть прямоугольникъ» выражаетъ истину. Глубоко иную структуру имѣетъ смыслъ нашего опредѣленія производной цѣнности: въ немъ «бытіе» не есть родъ, подъ который подходитъ понятіе цѣнности; это видно изъ того, что высказываніе «цѣнность есть бытіе» ложно. Внѣшнее сходство даннаго опредѣленія съ опредѣленіями черезъ родъ и видовой признакъ обусловлено дискурсивностью языка, большею, чѣмъ дискурсивность мысли. Недопустимость вырыванія изъ данной мысли понятія «бытіе» и превращенія его въ предикатъ для понятія цѣнность отмѣчена однако и въ словесномъ выраженіи мысли посредствомъ слова «въ»: «бытіе въ его значеніи». Это сочетаніе словъ показываетъ, что цѣнность есть органическое единство, включающее въ себя, какъ элементы бытіе и значеніе, но, опираясь на эти элементы, она представляетъ собою новый аспектъ міра, отличный отъ своихъ элементовъ.

Переживаніе, входящее въ составъ цѣнности, всегда содержитъ въ себѣ моментъ, данный въ развитомъ сознаніи въ чувствѣ и выразимый такими словами, какъ пріятный, милый, благородный, нѣжный, восхитительный, возвышенный или непріятный, пошлый, грубый, отвратительный и т. п. Возражая Шелеру, мы уже говорили, что цѣнность не сводится только къ этимъ момен-

тамъ: это симптоматическіе моменты цѣнности, которые въ то-же время, какъ переживаемая бытійственность, и сами цѣнны.

Значеніе и смыслъ есть идеальный аспектъ цѣнности. Такимъ образомъ, всякая цѣнность или сполна идеальна или, по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ идеальный аспектъ. Если само цѣнное бытіе есть бытіе идеальное, то цѣнность сполна идеальна: такъ, напр., субстанціальный дѣятель, какъ сверхвременный и сверхпространственный источникъ дѣйствованій, есть сполна идеальная цѣнность. Если цѣнное бытіе есть бытіе реальное, то соотвѣтствующая цѣнность идеально-реальна: такова, напр., исполняемая пѣвцомъ арія. Идея аріи, идея храма, идея поступка и т. п. есть сполна идеальная цѣнность, могущая быть реализованною; исполняемая арія, построенный храмъ, совершаемый поступокъ есть цѣнность идеально-реальная.

Въ своемъ значеніи производныя цѣнности вообще имѣютъ два возможныя направленія — къ осуществленію абсолютной полноты бытія и къ удаленію отъ нея, поэтому они полярно противоположны, могутъ быть положительными и отрицательными, первыя суть добро, а вторыя — зло въ широкомъ смыслѣ слова (т. е. не въ смыслѣ только нравственнаго добра и зла).

Чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ, необходимо имѣть въ виду, что теперь очень часто вмѣсто длиннаго выраженія «положительная цѣнность» я буду пользоваться словомъ добро и вмѣсто «отрицательная цѣнность» — словомъ зло.

Согласно развиваемой мною онтологической теоріи цѣнностей, бытіе не есть только носитель цѣнностей, оно само, будучи взято въ его значительности, есть цѣнность, оно само есть добро и зло. Поэтому раз-

Библиотека "Руниверс"

личеніе «Güter» (блага) и Werte (цѣнности), принятое въ современной германской литературѣ, чтобы мыслить раздѣльно бытіе, какъ носителя цѣнности, и самую цѣнность, не имѣетъ существеннаго значенія для развиваемыхъ мною ученій.

Полярность цѣнностей необходимо связана также и съ полярностью симптоматическаго выраженія ихъ въ чувствѣ, прежде всего въ чувствѣ удовольствія и страданія. Точно такъ же полярна и реакція воли на цѣнности, выражающаяся во влеченіи или отвращеніи.

Возможное отношеніе цѣнности къ чувству и волѣ не даетъ права строить психологистическую теорію цѣнности: цѣнность есть условіе опредѣленныхъ чувствъ и желаній, а не слѣдствіе ихъ.

Необходимая связь цѣнностей съ субъектомъ, именно то обстоятельство, что всякая цѣнность есть цѣнность для какого-нибудь субъекта, не даетъ права говорить, что цѣнности субъективны. Какъ познаваемость міра предполагаетъ сознаніе, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто познаваемая истина сполна обусловлена сознаніемъ, такъ и цѣнностный характеръ міра предполагаетъ наличіе субъектовъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто цѣнности сполна обусловлены бытіемъ субъектовъ. Цѣнность есть нѣчто выходящее за предѣлы противоположности субъекта и объекта, такъ какъ обусловливается отношеніемъ субъекта къ тому, что выше всякаго субъектнаго бытія, именно къ Абсолютной полнотѣ бытія*).

Цѣнность всегда связана не только съ субъектомъ, но именно съ жизнью субъекта. Въ самомъ опредѣле-

---

*) См., между прочимъ, указаніе Гейде (Wert, стр. 50) на то, что связь съ субъектомъ еще не превращаетъ цѣнность въ нѣчто субъективное.

Библиотека "Руниверс"

ніи понятія производной цѣнности это можно указать, если выразить его такъ: цѣнность есть бытіе въ его самопереживаемомъ или переживаемомъ другими существами значеніи для осуществленія абсолютной полноты жизни или удаленія отъ нея. Словомъ жизнь здѣсь обозначается длясебясущая цѣлестремительная активность субстанціальнаго дѣятеля. Отсюда ясно, что такое пониманіе цѣнности не есть біологизмъ. Матеріально-тѣлесная жизнь растительныхъ и животныхъ организмовъ есть только одинъ изъ видовъ жизни вообще. Абсолютная жизнь Царства Божія требуетъ возвышенія надъ біологическою матеріально - тѣлесною жизнью и пріобрѣтенія тѣлесности духоносной.

2. Абсолютныя и относительныя, объективныя и субъективныя цѣнности.

Абсолютная положительная цѣнность есть цѣнность, сама въ себѣ безусловно оправданная, слѣдовательно, имѣющая характеръ добра съ любой точки зрѣнія, въ любомъ отношеніи и для любого субъекта; не только сама по себѣ она всегда есть добро, но и слѣдствія, необходимо вытекающія изъ нея, никогда не содержатъ въ себѣ зла. Такое добро есть, напр., Божественная абсолютная полнота бытія.

Относительная положительная цѣнность есть цѣнность, имѣющая характеръ добра лишь въ какомъ либо отношеніи или для какихъ нибудь опредѣленныхъ субъектовъ; въ какомъ-либо другомъ отношеніи или для какихъ-либо другихъ субъектовъ такая цѣнность сама по себѣ есть зло, или по крайней мѣрѣ, необходимо связана со зломъ. Такія цѣнности, въ кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ добро необходимо связано со зломъ, возможны только въ психо-матеріальномъ царствѣ бытія, гдѣ дѣятели относительно изолированы другъ отъ друга своею большею или меньшею эгоистическою замкнутостью въ себѣ.

Словомъ субъективность цѣнности мы будемъ обозначать значеніе ея только для опредѣленнаго субъекта; общезначимость цѣнности т. е. значеніе ея для всякаго субъекта будемъ называть объективностью. Абсолютная цѣнность, какъ слѣдуетъ изъ опредѣленія ея, есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ общезначимая, т. е. объективная самоцѣнность.

Важнѣйшая задача аксіологіи состоитъ въ установленіи существованія абсолютныхъ цѣнностей и преодолѣніи аксіологическаго релативизма, т. е. ученія, утверждающаго, что всѣ цѣнности относительны и субъективны. На первый взглядъ аксіологическій релативизмъ кажется прочно обоснованнымъ наблюденіемъ надъ дѣйствительностью. Куда мы ни обратимъ свой взоръ, всюду наталкиваемся на относительныя цѣнности. Быстрый бѣгъ гончей собаки, преслѣдующей зайца, добро для гончей и зло для зайца; въ осажденной крѣпости, гдѣ гарнизонъ страдаетъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, съѣданіе куска хлѣба однимъ солдатомъ есть благо для него и бѣдствіе для другого солдата; любовь Анны Карениной къ Вронскому — счастіе для Вронскаго и несчастіе для мужа Карениной; преодолѣніе Карфагена Римомъ — счастіе для Рима и бѣдствіе для Карфагена.

Утвержденіе относительности и субъективности всѣхъ цѣнностей возникаетъ не только подъ вліяніемъ наблюденій, подобныхъ перечисленнымъ, но еще и на

почвѣ обосновывающихъ его ученій о строеніи міра, напр., какъ выводъ изъ неорганическаго міропониманія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно неорганическому міропониманію, міръ состоитъ только изъ обособленныхъ другъ отъ друга элементовъ, замкнутыхъ въ себѣ по своему бытію и способныхъ сочетаться во временныя цѣлости на основѣ лишь внѣшнихъ отношеній пространственной смежности, и внѣшнихъ воздѣйствій вродѣ толчка или давленія. Въ такомъ мірѣ нѣтъ никакихъ общихъ переживаній, невозможна интуиція, какъ непосредственное видѣніе чужого бытія, невозможны симпатія и любовь, какъ непосредственное практическое пріятіе чужого бытія. Здѣсь невозможно тожественное общее добро, которому всѣ могли бы быть одинаково и совмѣстно причастны. Всякое благо въ такомъ мірѣ разрывается на куски, потребляется и истребляется одними существами каждымъ въ себѣ и для себя въ ущербъ остальнымъ; здѣсь невозможна соборная жизнь и соборное дѣланіе, невозможна и абсолютная полнота бытія.

Въ такомъ мірѣ, мыслимомъ, какъ аггрегатъ замкнутыхъ въ себѣ обрывковъ бытія, нѣтъ ничего, что имѣло бы характеръ самооправданности и было бы общезначимою цѣнностью. Каждый замкнутый въ себѣ субъектъ признаетъ положительною цѣнностью свою ограниченную жизнь, или даже какое либо отдѣльное проявленіе ея и все находимое въ мірѣ оцѣниваетъ, какъ положительное или отрицательное, только въ зависимости отъ его значенія для этой его личной жизни или проявленія ея. Но сама эта личная жизнь, взятая въ ея неустранимой, согласно такому міровоззрѣнію, ограниченности и самозамкнутости, лишена абсолютнаго достоинства; субъектъ сознаетъ, что онъ выставляетъ ее,

Библиотека "Руниверс"

какъ верховную цѣнность, не въ силу ея самооправданности, а только вслѣдствіе того факта, что она его жизнь, и потому онъ имѣетъ основаніе признавать ее за верховную цѣнность только для себя; а всякій другой субъектъ признаетъ за верховную цѣнность нѣчто иное, именно свою тоже самозамкнутую и ограниченную жизнь или какое нибудь проявленіе ея. Въ такомъ мірѣ дѣйствительно не было бы абсолютныхъ и общезначимыхъ цѣнностей; всякая цѣнность была бы субъективною и относительною, т. е. существовала бы лишь съ точки зрѣнія даннаго субъекта и лишь въ отношеніи къ нему.

При послѣдовательномъ развитіи такое неорганическое міровоззрѣніе отвергаетъ идеальный аспектъ міра; поэтому оно отрицаетъ и міробъемлющій смыслъ, и частичные смыслы, какъ особый идеальный аспектъ міра; оно признаетъ только наличіе фактовъ (событій въ пространствѣ и времени), субъективно пріятныхъ или непріятныхъ. При такомъ строеніи міра нельзя было бы найти разумныхъ основъ для предпочтенія одного пути поведенія другому, нельзя было бы установить нормы поведенія, о которыхъ можно сказать, что они содержатъ въ себѣ общезначимое внутреннее оправданіе. Такое положеніе можно наглядно пояснить слѣдующимъ воображаемымъ споромъ между какимъ-либо порочнымъ человѣкомъ, напримѣръ, морфиноманомъ, и моралистомъ, стоящимъ на почвѣ неорганическаго натуралистическаго міропониманія и неспособнымъ поэтому обосновать превосходство правильнаго поведенія.

Морал. Ваша пагубная страсть разрушаетъ ваши умственныя способности и вы перестанете быть полезнымъ членомъ общества.

Морф. Общество есть сумма такихъ же особей, какъ и я, замкнутыхъ каждый въ сферѣ своихъ личныхъ пріятныхъ или непріятныхъ переживаній; я не усматриваю, почему я долженъ былъ бы пожертвовать своими пріятными переживаніями въ пользу другой особи или суммы особей.

Морал. Даже и съ точки зрѣнія, принимающей въ разсчетъ лишь ваши личныя переживанія, ваше поведеніе неправильно: вы разстроите свое здоровье и сократите свою жизнь.

Морфин. Къ чему мнѣ обыденная жизнь здороваго человѣка и скучное долголѣтіе черепахи? — Минута болѣе полной жизни дороже десятилѣтій нормальнаго прозябанія.

Въ этомъ спорѣ морфиноманъ съ его сверхбіологическимъ идеаломъ полноты переживаній, хотя и ненормальныхъ, но все же болѣе значительныхъ, чѣмъ обыденная жизнь, отстаиваетъ болѣе высокую цѣнность, чѣмъ тѣ мѣщанскія блага, какія послѣдовательно можетъ обѣщать **біологическій натурализмъ**. Поэтому никакіе доводы біологически-натуралистической морали не сдвинутъ его съ его позиціи.

Къ счастью, однако, неорганическое міропониманіе, допускающее въ мірѣ только замкнутые въ себѣ обрывки неисцѣлимо несовершеннаго бытія, міровоззрѣніе, приводящее къ аксіологическому релативизму и субъективизму, ложно. Въ дѣйствительности есть Богъ и Царство Бога, какъ абсолютно достойное и оправданное бытіе; и даже наше царство психо-матеріальнаго бытія есть хотя и несовершенное, но все же органическое цѣлое; всякое существо не замкнуто въ себѣ; существуетъ интуиція; возможны подлинная симпатія и

Библиотека "Руниверс"

любовь; возможенъ подвигъ и подлинный героизмъ; каждое существо можетъ подлинно и непосредственно пріобщаться жизни какъ равныхъ себѣ существъ, такъ и существъ высшаго порядка, народа, человѣчества, вселенной; мало того, всякій дѣятель можетъ стать участникомъ Царства Божія съ его соборнымъ творчествомъ и абсолютною полнотою бытія, передъ которою опьяненіе наркотиками есть жалкая скудость.

Каждый аспектъ Царства Божія запечатлѣнъ такимъ величіемъ, достоинствомъ и благородствомъ, что, признавъ дѣйствительность его въ Божественномъ мірѣ и возможность его для себя, постыдно отвергнуть его. Единственный способъ уклониться отъ нормъ, опредѣляющихъ поведеніе, ведущее къ этому Царству, состоитъ въ томъ, чтобы найти софистическіе доводы въ пользу того, будто наука доказала, что существуютъ незыблемые законы строенія бытія, исключающіе возможность такого Царства. Въ дѣйствительности, однако, содержаніе бытія не подчинено неотмѣнимымъ законамъ: оно въ высшей степени пластично, оно творится свободно самими субстанціальными дѣятелями, и никакая наука не доказала небытія Бога и невозможности Царства Божія*).

Свобода есть величайшее достоинство личныхъ дѣятелей, необходимое для реализаціи абсолютныхъ положительныхъ цѣнностей, но таящее въ себѣ также и возможность отрицательнаго пути. Свободно осуществляются въ мірѣ различныя ступени любовнаго единодушія, но также и различныя ступени обособленія, противоборства и вражды. Существуетъ соборное дѣланіе въ Царствѣ Божіемъ, гдѣ осуществлено конкрет-

---

*) См. мою «Свободу воли», гл. VI, § 6.

ное единосущіе, совершенная органическая цѣльность и обоженіе, дающее абсолютную полноту бытія; съ другой стороны, существуетъ и психо-матеріальное царство существъ съ различными степенями надрыва органической цѣльности и умаленія взаимоимманентности. Однако даже и на крайнихъ ступеняхъ эгоистической замкнутости въ себѣ сохраняется, по крайней мѣрѣ, отвлеченное единосущіе и нѣкоторые остатки участія въ общей жизни міра, а также возможность возродиться и удостоиться вступленія въ Царство Божіе. Поэтому даже и для дѣятелей психо-матеріальнаго царства абсолютныя цѣнности существуютъ и составляютъ конечную цѣль ихъ дѣятельности. Всякая попытка отрицанія абсолютныхъ цѣнностей ведетъ къ самопротиворѣчію, такъ какъ абсолютная цѣнность Бога и Царства Божія есть основное необходимое условіе и всѣхъ относительныхъ цѣнностей и даже самой бытійственности вообще.

То обстоятельство, что абсолютная цѣнность всегда есть цѣнность, переживаемая какимъ либо субъектомъ, нисколько не противорѣчитъ ея абсолютности, т. е. самооправданности. Понятіе «абсолютный», когда оно имѣетъ значеніе предиката или определенія, приложимо къ такимъ предметамъ, которые находятся въ системѣ отношеній. Такъ напр., утверждая абсолютное движеніе тѣла А, приближающагося къ тѣлу В, мы вовсе не отрицаемъ, что это движеніе совершается въ отношеніи къ тѣлу В, мы отрицаемъ только тѣ ученія, согласно которымъ фактъ сближенія двухъ тѣлъ, взятый въ его конкретной полнотѣ, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть выраженъ какъ сужденіемъ «А движется къ В», такъ и сужденіемъ «В движется къ А».

Библиотека "Руниверс"

3. Всеобъемлющія и частичныя абсолютныя самоцѣнности.

Богъ есть само Добро во всеобъемлющемъ значеніи этого слова: Онъ есть сама Истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т. д. Такимъ образомъ Богъ, и именно каждое Лицо Пресвятой Троицы есть Всеобъемлющая абсолютная самоцѣнность. Полное взаимоучастіе Бога-Отца, Сына и Духа Святого въ жизни другъ друга даетъ право утверждать, что Всеобъемлющая абсолютная самоцѣнность не дѣлится на три части и существуетъ не въ трехъ экземплярахъ: Она едина въ трехъ Лицахъ. Мало того, и всякій тварный членъ Царства Божія есть личность, достойная пріобщиться къ Божественной полнотѣ бытія вслѣдствіе избраннаго ею пути добра и дѣйствительно получившая благодатно отъ Бога доступъ къ усвоенію Его безконечной жизни и дѣятельному участію въ ней; это — личность, достигнувшая обоженія по благодати и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющая характеръ, хотя и тварной, но все же всеобъемлющей абсолютной самоцѣнности. Всякая такая личность есть тварный сынъ Божій.

Наконецъ, даже и всякій дѣятель психо-матеріальнаго царства бытія, несмотря на свое состояніе отпаденія отъ Бога и пребыванія въ скудости относительно изолированнаго бытія, есть все же индивидуумъ, т. е. существо, надѣленное единственною въ своемъ родѣ нормативною идеею, согласно которой онъ есть возможный членъ Царства Божія; поэтому каждый субстанціальный дѣятель, каждая дѣйствительная и даже каждая потенціальная личность есть абсолютная само-

цѣнность, потенціально всеобъемлющая. Такимъ образомъ, всѣ дѣятели, т. е. весь первозданный міръ, сотворенный Богомъ, состоитъ изъ существъ, которые суть не средства для какихъ нибудь цѣлей и цѣнностей, а самоцѣнности абсолютныя и притомъ даже потенціально всеобъемлющія; отъ собственныхъ усилій ихъ зависитъ стать достойными благодатной помощи Божіей для возведенія абсолютной самоцѣнности ихъ изъ потенціально-всеобъемлющей на степень актуально всеобъемлющей, т. е. удостоиться обоженія.

Только личность можетъ быть актуально всеобъемлющею абсолютною самоцѣнностью: только личность можетъ обладать абсолютною полнотою бытія. Всѣ остальные виды бытія, производные изъ бытія личности, именно различные аспекты личности, дѣятельности личностей, продукты ихъ дѣятельностей суть цѣнности производныя, существующія не иначе, какъ подъ условіемъ всеобъемлющаго абсолютнаго добра. Выше было дано слѣдующее опредѣленіе производныхъ цѣнностей: это — бытіе въ его значеніи для осуществленія абсолютной полноты бытія или удаленія отъ нея.

Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что всякое производное добро низводится на степень лишь средства. Въ такомъ случаѣ, пришлось бы думать, что, напр. любовь человѣка къ Богу, или любовь человѣка къ другимъ людямъ есть добро не само по себѣ, а только какъ средство достигнуть абсолютной полноты бытія. Также и красота, истина были бы добры не сами по себѣ, а лишь въ качествѣ средствъ.

Осознаніе этого тезиса и точное пониманіе его необходимо связано съ отвращеніемъ къ его смыслу, и это чувство есть вѣрный симптомъ ложности тезиса. Въ самомъ дѣлѣ, любовь къ какому бы то ни было суще-

Библиотека "Руниверс"

ству, лишенная самоцѣнности и низведенная на степень лишь средства, есть не подлинная любовь, а какая то фальсификація любви, таящая въ себѣ лицемѣріе или предательство. Ложность этого тезиса обнаруживается также и въ томъ, что онъ дѣлаетъ непонятною добротность самого Абсолютнаго всеобъемлющаго Добра: если любовь, красота, истина, несомнѣно наличныя въ Немъ, суть только средства, то что же есть исконное добро въ самомъ этомъ абсолютномъ Добрѣ! Къ счастью, однако, наша мысль вовсе не обязана колебаться между двумя только членами альтернативы: всеобъемлющая абсолютная цѣнность и служебная цѣнность (цѣнность средства). Рѣшеніе вопроса можетъ быть найдено, если воспользоваться понятіемъ Strahlwert, которое выработано В. Ш т е р н о м ъ; мы передадимъ его для цѣлей нашей системы словомъ «частичная цѣнность». Чтобы установить это понятіе, скажемъ нѣсколько словъ о значеніи его въ системѣ Штерна.

Согласно Штерну, слѣдуетъ различать самоцѣнности (Selbstwerte) и производныя цѣнности (abgeleitete Werte); въ свою очередь эти послѣднія суть или Strahlwerte (лучевыя цѣнности или цѣнности излученія) или Dienstwerte (служебныя цѣнности, средства). Къ понятію лучевой цѣнности Штернъ приходитъ слѣдующимъ образомъ. Согласно его персоналистической системѣ философіи, только личности суть самоцѣнности; но личность есть unitas multiplex (сложное единство, единство, состоящее изъ множества частей); личность есть цѣлое, заключающее въ себѣ множество моментовъ, — будь то реальныя части, признаки, фазы существованія, способы выраженія, области дѣйствованія; каждый моментъ причастенъ самоцѣнности цѣлаго и становится такимъ образомъ носителемъ цѣнности, не будучи самъ

по себѣ самоцѣннымъ. Самоцѣнное цѣлое излучаетъ свою цѣнность на все принадлежащее ему: поэтому можно назвать такой видъ производной цѣнности словомъ Strahlwert*). Къ числу такихъ «лучевыхъ цѣнностей» принадлежатъ, по Штерну, напр., нравственность, религія, искусство, право, здоровье и т. п.: «это не первичныя цѣнности, однако, съ другой стороны, они не потому только цѣнны, что полезны «для чего нибудь», — въ нихъ истекаютъ и выражаются первичныя цѣнности» (стр. 127).

Усваивая понятіе «лучевой цѣнности», выработанное Штерномъ, намъ придется однако подвергнуть его преобразованію соотвѣтственно развиваемой нами системѣ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить названіе, именно назвать то, что мы имѣемъ въ виду, въ отличіе отъ абсолютныхъ всеобъемлющихъ самоцѣнностей, словомъ абсолютныя «частичныя самоцѣнности». Несмотря на свою производность, въ смыслѣ невозможности существовать безъ цѣлаго, они остаются **самоцѣнностями**. Въ самомъ дѣлѣ, во главу аксіологіи нами поставлена всеобъемлющая полнота бытія, какъ абсолютное совершенство. Та неопредѣлимая добротность, оправданность въ себѣ, которою насквозь пропитана полнота бытія, принадлежитъ, вслѣдствіе органической цѣльности ея, также и каждому моменту ея. Поэтому всякій необходимый аспектъ полноты бытія воспринимается и переживается, какъ нѣчто такое, что само въ себѣ есть добро, само въ своемъ содержаніи оправдано, какъ долженствующее быть. Таковы любовь, истина, свобода, красота. Всѣ эти аспекты Царства Божія съ Господомъ Богомъ во главѣ запечатлѣ-

*) W. Stern, Wert-philosophie, 1924, стр. 44.

Библиотека "Руниверс"

ны чертами, присущими Абсолютному Добру, такими какъ несамозамкнутость, непричастность какому бы то ни было враждебному противоборству, совмѣстимость, сообщаемость, бытіе для себя и для всѣхъ, самоотдача.

Такимъ образомъ въ Богѣ и Царствѣ Божіемъ, а также въ первозданномъ мірѣ, есть только самоцѣнности, нѣтъ ничего, что было бы лишь средствомъ, всѣ онѣ абсолютны и объективны, т. е. общезначимы, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакого изолированнаго, обособившагося бытія. Подраздѣленія и соотношенія между ними можно выразить въ слѣдующей таблицѣ:

- Абсолютныя самоцѣнности
  - Всеобъемлющія
    - Первичныя
    - Тварныя
      - Актуально всеобъемлющія
      - Потенціально всеобъемлющія
  - Частичныя

4. Относительныя цѣнности.

Относительны тѣ цѣнности, которыя въ какомъ либо отношеніи суть добро, а въ другомъ зло, по крайней мѣрѣ, потому что необходимо связаны со зломъ.

Такія двуликія цѣнности возможны лишь въ психо-матеріальномъ царствѣ бытія, состоящемъ изъ дѣятелей, находящихся въ состояніи отпаденія отъ Бога и большей или меньшей обособленности другъ отъ друга. Чтобы понять природу относительныхъ цѣнностей и установить основныя формы ихъ, слѣдуетъ различить возможные виды отношенія твари къ Богу и къ Царству Божію.

Библиотека “Руниверс”

Всѣ существа стремятся къ абсолютной полнотѣ бытія. Для достиженія этой цѣли могутъ быть избраны два прямо противоположные пути: одинъ путь есть все превозмогающая любовь къ Богу, какъ изначальному Абсолютному Добру, и любовь ко всѣмъ тварнымъ дѣятелямъ, какъ потенціально всеобъемлющему добру, возникающее отсюда свободное подчиненіе Богу и свободное единодушіе соборной дѣятельности всѣхъ тѣхъ существъ, которыя слѣдуютъ Богу. Дѣятели, изначала руководящіеся въ своемъ поведеніи этимъ идеаломъ, удостоиваются обоженія и входятъ отъ вѣка въ составъ Царства Божія, не подпадая необходимости вступить на путь эволюціи, постепенно возводящей къ высшей ступени добра. Другой путь, противоположный первому, есть гордое стремленіе самому стать Богомъ и достигнуть абсолютной полноты бытія путемъ покоренія себѣ всѣхъ другихъ существъ. Это — идеалъ Сатаны; онъ ведетъ къ соперничеству съ Богомъ, встрѣчаетъ при попыткахъ реализаціи неодолимыя препятствія и, въ случаѣ нераскаянности, порождаетъ жгучую ненависть къ Богу и ко всякому подлинному добру. На этомъ пути возможно совершенствованіе въ злѣ и все большее удаленіе отъ Бога и Царства Божія; это — сатанинская эволюція.

Возможно однако менѣе рѣшительное отпаденіе отъ Бога и Царства Божія; стремленіе къ абсолютной полнотѣ бытія можетъ быть связано съ любовью къ себѣ, большею, чѣмъ къ Богу и къ другимъ существамъ, не въ смыслѣ горделиваго желанія поставить себя на мѣсто Бога, а въ смыслѣ предпочтительнаго интереса къ себѣ, въ смыслѣ сосредоточенности на своихъ переживаніяхъ и невниманія къ чужой жизни, отсутствія интереса къ ней. Это — эгоизмъ, не сатанинскій, а земной.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдствіемъ является обособленіе дѣятелей другъ отъ друга и предоставленность каждаго изъ нихъ самому себѣ вплоть до той скудости разрозненнаго бытія, какая извѣстна современной наукѣ, напр., въ состояніи отдѣльнаго оторваннаго электрона.

«Всякій то теперь», говоритъ старецъ Зосима (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ») «стремится отдѣлить лицо свое наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ, выходитъ изо всѣхъ его усилій, вмѣсто полноты жизни, лишь полное самоубійство, ибо, вмѣсто полноты опредѣленія существа своего, впадаютъ въ совершенное уединеніе».

Бѣдность уединенной жизни, какъ уже сказано выше, можетъ быть преодолѣна только путемъ эволюціоннаго процесса, состоящаго въ томъ, что дѣятель постепенно научается хотя бы отчасти выходить изъ замкнутости въ себѣ и вступать въ союзы съ другими дѣятелями, образуя съ ними органически единыя цѣлыя, въ которыхъ возможно достиженіе сообща большей сложности и разнообразія жизни, чѣмъ въ изолированномъ существованіи. Однако повышеніе жизненной мощи и творческой активности, пріобрѣтаемое въ такихъ органическихъ единствахъ, используется въ значительной мѣрѣ эгоистически, именно для энергичной борьбы за существованіе противъ всѣхъ, кто находится внѣ даннаго единства: добро повышенія жизни однихъ существъ сопутствуется зломъ угнетенія жизни другихъ существъ. Эта печальная относительность добра въ эволюціонномъ процессѣ полна смысла: нравственное зло отпаденія отъ Бога, т. е. зло обособленія дѣятелей ведетъ за собою, какъ естественное слѣдствіе, всевозможные другіе виды зла, страданія скудости бытія и взаимнаго стѣсненія жизни для тѣхъ существъ, кото-

рыя очутились внѣ Царства Божія въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія. Этотъ низшій типъ бытія возникъ вслѣдствіе неправильнаго, но **свободнаго** акта выбора; точно такъ же и осмысленное усовершенствованіе этого бытія и, наконецъ, выходъ изъ него путемъ достиженія святости и пріобщенія къ Царству Божію возможны, какъ это видно изъ ученія о сущности Царства Божія, не иначе, какъ посредствомъ **свободнаго** исканія правильнаго пути, посредствомъ свободныхъ творческихъ актовъ. Поэтому вся природная эволюція отъ дѣятеля, стоящаго на ступени бытія электрона, вплоть до человѣка и далѣе должна быть понимаема, какъ свободный творческій, а не законосообразно необходимый процессъ. Всѣ данныя для возможности творческаго процесса возрожденія падшихъ дѣятелей сохраняются, какъ показано было выше, даже и на низшихъ ступеняхъ природнаго бытія: наличность у каждаго субстанціальнаго дѣятеля сверхкачественной творческой силы, связь между дѣятелями въ формѣ отвлеченнаго единосущія, способность къ цѣлестремительной творческой активности*) и т. п.

Даже и тѣ дѣятели, которые не обладаютъ сознаніемъ, сохраняютъ то отношеніе къ себѣ и міру, которое мы назвали предсознаніемъ, и потому эволюція ихъ руководится стремленіемъ вверхъ къ абсолютной полнотѣ бытія хотя бы въ видѣ **инстинктивной** тенденціи. Однако это движеніе къ высшей жизни есть свободное творческое исканіе; поэтому эволюціонирующія существа психо-матеріальнаго царства вовсе не могутъ быть расположены въ линейный рядъ прогрессивнаго

---

*) См. выше; см. также мою статью «Что не можетъ быть создано эволюціею?» «Современ. Записки», 1927, вып. XXXIII.

Библиотека "Руниверс"

приближенія къ одной и той же цѣли. Во-первыхъ, многіе различные пути ведутъ даже и къ одной и той же цѣли; во-вторыхъ, возможны отклоненія въ сторону отъ пути вверхъ, заводящія въ тупики, въ которыхъ дальнѣйшая эволюція неосуществима, такъ что выходъ изъ нихъ достигается лишь путемъ скачка на новые пути развитія; наконецъ, въ-третьихъ, возможны и сатанинскіе соблазны, подпаденіе имъ ведетъ къ срывамъ, къ временному или окончательному отклоненію на путь развитія, не поднимающій къ Богу, а ведущій прочь отъ Него. Какъ бы ни были однако разнообразны пути развитія, мысленно можно намѣтить *идеальный типъ эволюціи*, осуществляющейся по линіямъ, ведущимъ, несмотря на различіе конкретнаго содержанія процесса, прямо вверхъ къ порогу Царства Божія. Такую эволюцію можно назвать *нормальною*: она руководится нормами, вытекающими изъ задачи возрастанія въ относительномъ добрѣ вплоть до пріобрѣтенія способности осознать абсолютныя цѣнности, начать ставить ихъ, какъ цѣль поведенія, и дойти до предѣла психо-матеріальнаго царства, до святости, удостоиваемой обоженія, т. е. вступленія въ Царство Божіе.

Каждый шагъ нормальной эволюціи есть освобожденіе отъ какой либо стороны эгоистической замкнутости въ себѣ, расширеніе жизни дѣятеля путемъ усвоенія какой-либо группы чужихъ личныхъ или вообще сверхличныхъ интересовъ въ свою жизнь такъ, какъ если бы они были его собственные интересы, (такое усвоеніе Штернъ называетъ «интроцепціею»), выработка способностей, необходимыхъ для восхожденія къ всеобъемлющей жизни, напримѣръ, выработка психической дѣятельности изъ психоидной, пріобрѣтеніе новыхъ формъ воспріятія (свѣта, звука и т. п.), развитіе

Библиотека "Руниверс"

сознанія изъ данныхъ предсознанія, переходъ отъ инстинкта къ сознательной волѣ, развитіе способности интеллектуальной интуиціи (разумъ) и т. п.

Каждое пріобрѣтеніе нормальной эволюціи, всякая дѣятельность на пути ея есть положительная цѣнность, поскольку она есть бытіе въ его значеніи для восхожденія къ абсолютной полнотѣ бытія. Всякое проявленіе жизни въ этомъ нормальномъ процессѣ есть не только средство для восхожденія, но и самоцѣнность для творящаго и переживающаго его субъекта, моментъ субъективной полноты бытія. Количество такихъ самоцѣнностей и разнообразіе ихъ очень велико у такого относительно высоко развитаго дѣятеля, сравнительно далеко ушедшаго по пути освобожденія отъ эгоистической замкнутости въ себѣ, какъ человѣческое я: человѣкъ живетъ отчасти общею жизнью съ множествомъ подчиненныхъ ему низшихъ дѣятелей, входящихъ въ составъ его тѣла; точно такъ же онъ живетъ отчасти общею жизнью съ ближайшими высшими дѣятелями, которымъ онъ подчиненъ, со своею семьею, со своимъ народомъ, съ церковью и т. п. Множество дѣятельностей въ каждой изъ этихъ областей имѣютъ для субъекта характеръ самоцѣнности; біологическія функціи здороваго организма, напр., воспріятіе пищи при нормальномъ аппетитѣ и усвоеніе ея, мускульная активность, отдыхъ послѣ нормальнаго труда и т. п., и т. п.; дѣятельности, выводящія за предѣлы чисто біологическихъ процессовъ, напр., пріобрѣтеніе собственности, распоряженіе ею и устроеніе ея (постройка дома, разведеніе сада и т. п.); дѣятельности, входящія въ потокъ жизни высшей іерархической единицы, напр., воспитаніе дѣтей, общеніе съ членами семьи, участіе въ политической борьбѣ, защита

Библиотека "Руниверс"

отечества и т. п.; все это — моменты субъективнаго творчества жизни. Каждая такая дѣятельность, а также и сами объективныя содержанія, создаваемыя ими, (здоровое тѣло, мастерски сработанный табуретъ, удачный фотографическій снимокъ, физическая ловкость сына, достигаемая правильнымъ физическимъ воспитаніемъ, развитіе политической партіи и т. п.) могутъ быть самоцѣнностями для человѣка. Но ,съ другой стороны, каждая изъ этихъ дѣятельностей и каждый предметъ, создаваемый ими, могутъ быть также низведены на степень лишь средства; какой нибудь аскетъ, напр., Игнатій Лойола, выработавшій рядъ правилъ, научающихъ какъ довести воспріятіе пищи до минимума, не спускаясь однако до такого изможденія плоти, когда духовная жизнь утрачиваетъ свою свѣжесть и энергію*), допускаетъ біологическую функцію питанія лишь, какъ необходимое средство для духовной дѣятельности, пока человѣческое тѣло не преображено. Мало того, каждая изъ перечисленныхъ дѣятельностей и предметы ихъ могутъ быть низведены на степень средства не только въ отношеніи абсолютныхъ цѣнностей, но и въ отношеніи другихъ тоже относительныхъ цѣнностей: ремесленникъ можетъ смотрѣть на свою профессіональную дѣятельность и на продукты ея, мебель, сапоги, платье, только, какъ на средство заработка, не вкладывая безкорыстнаго интереса въ свое дѣло. Точно такъ же учитель гимнастики можетъ относиться къ своему преподаванію и къ физическому совершенствованію довѣренныхъ ему дѣтей только, какъ къ средству получать жалованье и повышеніе по службѣ

---

*) St Ing. von Loyola, Das Exercitienbuch, 2 изд., Freib. i. Br. 1928, I т., стр. 245.

Библиотека "Руниверс"

въ случаѣ выдающагося успѣха (врядъ ли такому учителю можно вполнѣ спокойно поручить дѣтей). Мало того, соотношеніе дѣятельностей, предметовъ ихъ и цѣнностей настолько сложно, что каждое изъ перечисленныхъ дѣйствій и каждый предметъ ихъ можетъ быть одновременно для одного и того же дѣятеля и самоцѣнностью и вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для достиженія какой либо другой цѣнности.

Всѣ перечисленныя дѣятельности въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія въ той или иной степени требуютъ борьбы съ существами, находящимися внѣ дѣятеля или того союза, въ интересахъ котораго онъ дѣйствуетъ: питаніе требуетъ насильственнаго расторженія цѣлости чужого растительнаго или животнаго организма; ремесленная дѣятельность человѣка сопутствуется истребленіемъ жизни растеній и животныхъ или насильственнымъ вмѣшательствомъ въ теченіе процессовъ неорганической природы; всякое овладѣніе психоматеріальными благами въ пользу своего народа ведетъ прямо или косвенно къ нарушенію интересовъ другихъ народовъ и т. п. Въ той или иной степени всѣ эти дѣятельности связаны съ борьбою за существованіе, и даже внутри всякаго союза согласіе между его членами существуетъ лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а въ другихъ они находятся въ борьбѣ другъ съ другомъ, таковы, напр., нѣкоторыя болѣзни организма, конкурренція въ торговлѣ и промышленности, эксплоатація труда капиталомъ и т. п.). Здѣсь нѣтъ любовнаго отношенія ко всѣмъ существамъ, нѣтъ полной гармоніи интересовъ, нѣтъ с о б о р н а г о дѣланія; поэтому переживанія одного дѣятеля или группы ихъ не могутъ быть предметомъ полнаго активнаго соучастія всѣхъ остальныхъ. Хотя бы эти переживанія и предметы ихъ были само-

Библиотека "Руниверс"

цѣнностями для какого-либо индивидуума, они все же принадлежатъ къ числу относительныхъ, а не абсолютныхъ цѣнностей. Въ самомъ дѣлѣ: во-первыхъ, они оправданы лишь съ точки зрѣнія психо-матеріальнаго царства бытія, состоящаго изъ существъ, которыя сами создали раздробленіе жизни на отдѣльныя, относительно изолированныя струи; во-вторыхъ, поскольку условія или слѣдствія ихъ связаны съ противоборствомъ чужой жизни, они суть отрицательныя цѣнности, добро въ нихъ связано со зломъ. Однако взятыя сами по себѣ, въ изоляціи отъ этихъ своихъ условій и слѣдствій, они суть проявленія сохраненія жизни и роста ея, подготовляющаго осознаніе абсолютныхъ цѣнностей и усвоеніе ихъ. Какъ ступени возрастанія солидарности и гармоніи (если еще не любви), какъ ступени порядка и т. п. цѣнностей, которыя можно назвать слабыми отраженіями абсолютныхъ цѣнностей Царства Божія, они доводятъ до порога этого Царства и пробуждаютъ жажду отрѣшиться отъ дольняго міра и удостоиться пріобщенія къ міру горнему. Въ этомъ смыслѣ, поскольку конечная цѣль всѣхъ существъ есть абсолютная полнота бытія, которая можетъ быть не иначе, какъ соборною, проявленія нормальной эволюціи каждаго существа суть положительныя цѣнности также и съ точки зрѣнія всѣхъ остальныхъ дѣятелей: это — цѣнности объективныя, общезначимыя, хотя и относительныя. Въ самомъ дѣлѣ, освобождаясь отъ субъективныхъ пристрастій, искажающихъ оцѣнки, всякій дѣятель принужденъ признать положительное значеніе здоровья всѣхъ другихъ дѣятелей, благосостоянія ихъ, процвѣтанія ихъ семьи, народа и т. п., хотя эти виды добра психо-матеріальнаго царства только относительны, т. е. связаны также и со зломъ. Вслѣдствіе

этого общезначимость ихъ иная, чѣмъ общезначимость абсолютныхъ цѣнностей: совершенная любовь, красота, истина, нравственное добро суть общезначимыя самоцѣнности, тогда какъ относительное добро общезначимо не какъ самоцѣнность, а какъ нѣчто служебное, какъ необходимый моментъ эволюціи, подводящей къ порогу выхода изъ зла; различные виды относительнаго добра могутъ имѣть характеръ самоцѣнности только для самихъ носителей ихъ и тѣхъ приблизившихся къ нимъ дѣятелей психоматеріальнаго царства, которые вмѣстѣ съ ними борются за сохраненіе жизни и повышеніе уровня ея. Такимъ образомъ, это субъективныя самоцѣнности.

5. Отрицательныя цѣнности.

Отрицательную цѣнность, т. е. характеръ зла (въ широкомъ, а не этическомъ лишь значеніи) имѣетъ все то, что служитъ препятствіемъ къ достиженію абсолютной полноты бытія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, будто зло, напр. болѣзнь, эстетическое безобразіе, ненависть, предательство и т. п. сами въ себѣ безразличны и только постольку, поскольку слѣдствіемъ ихъ является недостиженіе полноты бытія, они суть зло; какъ добро оправдано само въ себѣ, такъ и зло есть нѣчто само въ себѣ недостойное, заслуживающее осужденія; оно само въ себѣ противоположно абсолютной полнотѣ бытія, какъ абсолютному добру.

Но въ отличіе отъ Абсолютнаго Добра зло не первично и не самостоятельно. Во-первыхъ, оно существу-

Библиотека "Руниверс"

етъ только въ тварномъ мірѣ и то не въ первозданной сущности его, а первоначально, какъ свободный актъ воли субстанціальныхъ дѣятелей, и производно, какъ слѣдствіе этого акта. Во-вторыхъ, злые акты воли совершаются подъ видомъ добра, такъ какъ направлены всегда на подлинную положительную цѣнность, однако въ такомъ соотношеніи съ другими цѣнностями и средствами для достиженія ея, что добро подмѣняется зломъ: такъ, быть Богомъ есть высшая положительная цѣнность, но самочинное присвоеніе себѣ этого достоинства тварью есть величайшее зло. Въ-третьихъ, осуществленіе отрицательной цѣнности возможно не иначе, какъ путемъ использованія силъ добра. Эта несамостоятельность и противорѣчивость отрицательныхъ цѣнностей особенно замѣтна въ сферѣ сатанинскаго зла, къ разсмотрѣнію котораго мы и приступимъ.

Сатанинское зло есть гордыня дѣятеля, не терпящаго превосходства Бога и другихъ дѣятелей надъ собою, стремящагося поставить себя на мѣсто Бога и занять исключительное положеніе въ мірѣ, выше остальныхъ тварей. Эта основная черта сатанинской воли выражается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, напр. въ сатанинскомъ честолюбіи, сатанинскомъ властолюбіи, въ проявленіяхъ ненависти, зависти, жестокости и т. п. Для этой воли имѣютъ характеръ самоцѣнности такія дѣйствія и положенія, которыя сами по себѣ, а не по своимъ слѣдствіямъ или предварительнымъ условіямъ наносятъ ущербъ другимъ существамъ. Такъ напр. для честолюбца съ сатанинскимъ уклономъ, состязающагося съ другими дѣятелями, конечная цѣль есть не просто совершенство дѣятельности, а именно первенство, побѣда надъ другими дѣятелями. Точно такъ же для жестокаго существа, для кошки, играющей пой-

манною мышью, или для садиста, мученія жертвы составляютъ то именно, въ чемъ они утверждаютъ свое превосходство и господство надъ міромъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ зло, вносимое въ міръ земнымъ себялюбіемъ: оно содержится не въ самомъ томъ дѣйствіи или положеніи, которое служитъ цѣлью, а въ его слѣдствіяхъ или средствахъ для достиженія его; эти слѣдствія разсматриваются самимъ дѣятелемъ, если онъ замѣчаетъ ихъ (что случается рѣдко), какъ нежелательныя, а злыя средства для достиженія цѣли — сами по себѣ ему не нравятся. Такъ громадное большинство людей охотно отказалось бы отъ животной пищи, если бы удовлетворительная система безубойнаго питанія была выработана, и народное хозяйство было приспособлено для обезпеченія ея. Держа конкурсный экзаменъ для поступленія въ Высшее учебное заведеніе, юноша нормальнаго душевнаго склада сожалѣетъ своихъ товарищей, не достигшихъ цѣли, а не злорадствуетъ надъ ихъ неудачею.

Коротко говоря, различіе между сатанински злою волею и злою волею земного себялюбія слѣдующее: съ точки зрѣнія сатанинской воли сами злыя дѣянія суть положительныя самоцѣнности, поскольку они у д о в л е т в о р я ю т ъ   г о р д ы н ю; а для земного себялюбія злыя дѣянія имѣютъ лишь с л у ж е б н у ю цѣнность, оставаясь сами по себѣ нежелательными. И тутъ, и тамъ, зло, причиняемое другимъ существамъ не есть первичная цѣль, оно есть слѣдствіе себялюбія. Въ этомъ смыслѣ даже и Сатана не есть существо, стремящееся къ страданію другихъ существъ самому по себѣ*). Од-

*) См. объ этомъ мою статью «О природѣ сатанинской (по Достоевскому)», Сборникъ статей «Ѳ. М. Достоевскій», подъ ред. До-

Библиотека "Руниверс"

нако характеръ сатанинскаго себялюбія таковъ, что цѣли его съ аналитическою необходимостью включаютъ въ себя угнетеніе бытія другихъ существъ, а цѣли земного себялюбія синтетически необходимо связаны съ поступками и положеніями, угнетающими чужое бытіе. Первое есть абсолютное зло, а второе — зло относительное.

Различіе между этими двумя видами воли можно еще пояснить различіемъ сатанинскаго и земного честолюбія. Для сатанинскаго честолюбія первенство, какъ побѣда надъ другими дѣятелями, есть самоцѣль; для земного честолюбія достиженіе первенства есть не самоцѣль, а средство, именно — или показатель совершенства исполняемой дѣятельности, или источникъ обезпеченія себѣ какого либо другого блага (напр., положенія въ обществѣ, благопріятнаго для свободнаго развертыванія всѣхъ жизненныхъ дѣятельностей) и т. п.

Теоретически разграничить сатанинское и земное честолюбіе не трудно, но практически, сталкиваясь въ жизни съ конкретными проявленіями человѣка, зачастую почти невозможно установить, съ чѣмъ имѣешь дѣло. Соревнованіе незамѣтнымъ рядомъ ступеней быстро приводитъ къ развитію зависти и ненависти, которая, согласно опредѣленію Шелера, радуется недостаткамъ ненавидимаго и печалится, подмѣтивъ въ немъ какое бы то ни было достоинство. Вступивъ на этотъ путь, человѣкъ идетъ по краю пропасти, зловѣще освѣщаемый отблесками сатанинской злобы. Жизнь великихъ людей и видныхъ историческихъ дѣятелей даетъ не мало примѣровъ такого опаснаго положенія.

линина, I т., 1922 г. Спб. Иначе рѣшаетъ вопросъ Шелеръ (стр. 369 с.), Н. Гартманъ (стр. 344).

Вспомнимъ соперничество Фихте и Шеллинга*), скрытую ревность въ отношенiи между Л. Толстымъ и Достоевскимъ**), дьявольскiя выходки Байрона въ отношенiи къ своей женѣ, обусловленныя, повидимому, тѣмъ, что она до замужества не сразу отвѣтила на любовь Байрона къ ней, низменное поведенiе Лермонтова въ отношенiи къ Сушковой. Тѣ же явленiя мы найдемъ и въ своей средѣ во всѣхъ сферахъ жизни. Въ каждомъ университетѣ есть двѣ, три пары профессоровъ, работающихъ въ одной и той же области и ненавидящихъ другъ друга всѣми силами своей души; то-же самое происходитъ въ жизни артистовъ, политиковъ, церковныхъ дѣятелей.

Себялюбiе, какъ сатанинское, такъ и земное, есть основное зло, зло нравственное, осуществляющееся въ разнообразныхъ видоизмѣненiяхъ. Слѣдствiемъ его, поскольку оно ведетъ къ относительной изолированности дѣятелей другъ отъ друга, являются всевозможные другiе виды зла, которые могутъ быть названы производнымъ зломъ: таковы тѣлесныя страданiя, болѣзни, смерть, душевныя страданiя и душевныя болѣзни, эстетическое безобразiе, неполнота истины, заблужденiе и т. п.

Если мiръ есть созданiе благого Творца, во всѣхъ своихъ деталяхъ осмысленное, то является вопросъ, почему въ немъ существуетъ зло, и каковъ смыслъ различныхъ видовъ зла. Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ мною въ книгѣ «Свобода воли» и вкратцѣ намѣченъ также здѣсь. Высшее достоинство мiра, ради котораго

---

*) См. Куно-Фишеръ, Исторiя новой философiи, т. VI. Шеллингъ.

**) См. А. Л. Бемъ «Толстой въ оцѣнкѣ Достоевскаго», Научн. Труды Русскаго Народнаго Университета, т. II.

Библиотека "Руниверс"

только и стоитъ существовать міру, именно способность творить Царство Божіе, возможно не иначе, какъ при условіи свободы дѣятелей. Но свобода связана съ возможностью не только добра, а и зла. Дѣятель, неправильно пользующійся своею свободою, вступившій на путь себялюбія, вноситъ въ міръ зло. Добро любви къ Богу и тварямъ Божіимъ предполагаетъ возможность зла себялюбія, вовсе однако не требуя дѣйствительности его. Дѣйствительность себялюбія есть такимъ образомъ свободное, самочинное проявленіе дѣятеля, никѣмъ не вынужденная вина его, грѣхъ, влекущій за собою, какъ естественное и должное слѣдствіе изолированность его со всѣми возникающими отсюда видами производнаго зла — скудостью жизни, болѣзнями, смертью, эстетическимъ безобразіемъ и т. п.

Основное зло, зло эгоистическаго себялюбія, есть свободный актъ дѣятеля, ведущій къ своего рода антипреображенію его; слѣдовательно, зло не есть только недостатокъ добра, только неполнота его, т. е. небытіе. Зло есть нѣкоторый особый видъ содержанія бытія — нѣкоторое esse, о которомъ приходится сказать, что оно — male esse въ отличіе отъ bene esse. Однако оно появляется на свѣтъ не иначе, какъ путемъ неправильнаго использованія великаго добра, именно свободной творческой силы и притомъ въ погонѣ за величайшею положительною цѣнностью, именно обоженіемъ, однако на неправильномъ пути. Слѣдовательно, это male esse никогда не можетъ быть насквозь зломъ: оно всегда содержитъ въ себѣ хоть какіе-нибудь остатки положительныхъ цѣнностей. Правъ бл. Августинъ, утверждающій, что добро не можетъ быть вычерпано до конца ни въ чемъ сущемъ, такъ какъ тогда

само существованіе прекратилось бы. Доброе бытіе можетъ быть насквозь добрымъ; тогда какъ злое бытіе не можетъ быть насквозь злымъ.

Высокая осмысленность міра обнаруживается въ томъ, что всѣ виды зла непосредственно затрогиваютъ только тѣхъ дѣятелей, которые сами запятнаны тою же виною себялюбія и обрекли себя на жизнь въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятели Царства Божія неуязвимы даже и для Сатаны: ихъ единодушіе исключаетъ возможность распада ихъ связи, т. е. смерти; ихъ преображенное тѣло, не проявляющее силъ отталкиванія, не можетъ быть поэтому подвергнуто никакому насилію путемъ толчка; душевныя страданія униженной гордости, честолюбія, властолюбія и т. п. для нихъ не существуютъ, такъ какъ они свободны отъ этихъ страстей. Даже и любовное соучастіе въ нашей жизни не можетъ создать въ царствѣ Духа земныхъ печалей и огорченій. Положеніе членовъ царства Духа подобно состоянію врача, оказывающаго дѣятельную помощь больному, знающаго могущество своей науки и искусства, и притомъ такого врача, который обладалъ бы чудеснымъ вѣдѣніемъ путей Божіихъ, открывающимъ ему смыслъ земныхъ страданій и несомнѣнность конечной побѣды добра.

Неземное спокойствіе Сикстинской Мадонны Рафаэля есть не «ультра-аристократическое равнодушіе къ страданіямъ и нуждамъ нашего міра», какъ показалось Бѣлинскому*), а совершенная чистота твердо полагающейся на Бога сестры милосердія, которая не заражаясь страхами и горячечнымъ бредомъ больного, однимъ

---

*) См. П. В. Анненковъ, Литературныя воспоминанія, стр. 563, изд. «Academia», 1928.

Библиотека "Руниверс"

прикосновеніемъ своей прохладной нѣжной руки ко лбу его, вноситъ покой и удовлетвореніе въ его душу и тѣло.

Соотношеніе всѣхъ существъ и всѣхъ событій, образущее единый міръ, объясняется тѣмъ, что во главѣ міра стоитъ Міровой Духъ, субстанціальный дѣятель, координирующій всѣ дѣятельности всѣхъ существъ, ни отъ кого не обособляющійся, слѣдовательно, принадлежащій къ составу Царства Божія. Духъ можетъ быть источникомъ только такого цѣлаго, только такой системы, всѣ части которой ведутъ къ осуществленію цѣли, подлинно всеобъемлющей, непреходящей, неотмѣнимой, абсолютной. Цѣль эта, какъ и подобаетъ Духу, можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы весь строй міра и всякое событіе въ немъ служили побужденіемъ къ развитію духовности въ особяхъ душевно-матеріальнаго царства и, слѣдовательно, воспитывали бы ихъ для возсоединенія съ Царствомъ Божіимъ. Итакъ, включенность каждаго событія во всеобъемлющую міровую связь, дающая самыя неожиданныя и наиболѣе прихотливыя съ точки зрѣнія особи сочетанія, не только не есть слѣпой случай, но именно она таитъ въ себѣ глубочайшій смыслъ, обладая характеромъ нравственной необходимости. Отсюда получается міръ, въ которомъ каждое «великое міровое событіе приспособлено къ судьбѣ многихъ тысячъ существъ, для каждаго по своему» и «токи жизни всѣхъ людей въ ихъ взаимномъ переплетеніи должны имѣть между собою столько согласія и гармоніи, сколько композиторъ придаетъ гармоніи множеству голосовъ симфоніи, повидимому, перебивающихъ другъ друга»*).

*) Шопенгауеръ, **Parerga und Paralipomena**, т. I. — См. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое», стр. 142 с.

Въ этомъ осмысленномъ цѣломъ всякое зло, болѣзненно задѣвая тѣ существа, которыя и сами вносятъ зло въ міръ, служитъ для нихъ или наказаніемъ, или предостереженіемъ, или побужденіемъ къ раскаянію и т. п. Въ этомъ смыслѣ, даже и зло имѣетъ служебную положительную цѣнность: въ царствѣ злыхъ существъ оно используется, какъ средство для исцѣленія ихъ отъ зла.

6. Служебныя цѣнности.

Въ нашемъ психо-матеріальномъ царствѣ есть безчисленное множество дѣйствій, событій, содержаній бытія, имѣющихъ характеръ только средства для осуществленія какой-либо положительной цѣнности: подметаніе комнаты, выведеніе жирнаго пятна изъ платья бензиномъ, ежедневныя поѣздки въ трамваѣ на мѣсто работы, заполненіе анкеты для полученія паспорта и т. п., и т. п., все это — служебныя цѣнности. Онѣ возможны только въ царствѣ бытія, гдѣ есть распады и обѣдненія жизни: это дѣйствія и содержанія бытія, имѣющія внутреннее отношеніе не ко всей сложной системѣ жизни, а къ одному какому-либо ограниченному элементу ея; онѣ повторимы и замѣнимы, онѣ цѣнятся не за свое относительно-индивидуальное содержаніе, а лишь за связь съ цѣлью, мыслимой въ отвлеченномъ понятіи. Чѣмъ больше въ поведеніи какого-либо существа дѣйствій, имѣющихъ характеръ только средствъ, чѣмъ чаще они повторяются, тѣмъ больше тонусъ жизни такого существа падаетъ, тѣмъ больше въ ней скучныхъ полосъ.

По мѣрѣ развитія культуры человѣкъ все чаще ставитъ цѣли, достиженія которыхъ требуетъ предвари-

Библиотека "Руниверс"

тельнаго осуществленія длинной цѣпи средствъ. Изъ этого не слѣдуетъ, будто развитіе культуры неизбѣжно должно сопровождаться пониженіемъ тонуса жизни. Искусство жизни состоитъ въ такомъ усложненіи интересовъ и въ такомъ углубленіи органичности ея, что средства перестаютъ быть только средствами, и хоть какою-нибудь стороною своею содержатъ въ себѣ также самоцѣли или, по крайней мѣрѣ, насквозь пронизаны и заманчиво освѣщены тою самоцѣлью, ради которой они осуществляются. Такъ, ученый, готовящійся нѣсколько лѣтъ къ трудной экспедиціи, дальновидный политикъ вродѣ Бисмарка, кипуче дѣятельный реформаторъ, какъ Петръ Великій, можетъ осуществлять средства для отдаленной цѣли съ увлеченіемъ, находя въ каждомъ изъ нихъ какую-либо самоцѣль или, по крайней мѣрѣ, отблескъ той отдаленной самоцѣли.

7. Драматизмъ нормальной эволюціи.

Въ психо-матеріальномъ царствѣ даже и въ процессѣ нормальной эволюціи большая часть дѣятельностей направлена на осуществленіе относительнаго добра: сохраненіе и развитіе мое, моей семьи, моего народа, человѣчества, какъ психоматеріальныхъ (а не духовныхъ) цѣлыхъ, есть добро для этихъ существъ, связанное такъ или иначе со зломъ для другихъ существъ. Поэтому, чѣмъ болѣе высокой ступени освобожденія отъ эгоистической замкнутости въ себѣ достигъ дѣятель, чѣмъ болѣе чутокъ онъ ко всякому внесенію зла въ міръ, тѣмъ чаще положеніе его оказывается драматическимъ.

Даже и абсолютныя цѣнности въ условіяхъ психоматеріальнаго бытія зачастую требуютъ для обезпече-

нія доступа къ нимъ для сохраненія условій пользованія ими такихъ дѣйствій, которыми разрушаются относительныя цѣнности, дорогія и самоцѣнныя для тѣхъ или иныхъ субъектовъ. Заговорщики, совершившіе убійство Павла I, геніальные реформаторы, вродѣ Петра Великаго, разрушающіе старые формы жизни, участники гражданскихъ войнъ во время великихъ революцій, борющіеся за абсолютныя цѣнности, переживаютъ тяжелую драму, внося въ міръ зло въ борьбѣ за добро.

Уходъ въ монастырь не есть радикальное освобожденіе отъ зла, неизбѣжнаго въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія; жизнь въ тихой обители, даже въ затворѣ только уменьшаетъ количество и разнообразіе проявленій зла, но не устраняетъ ихъ окончательно.

Можно попытаться успокоить свою совѣсть путемъ отрицанія христіанскаго идеала абсолютнаго добра, путемъ ученія, утверждающаго, что абсолютно неотмѣнимые законы бытія обусловливаютъ формы жизни, въ которыхъ неизбѣжна относительность добра, т. е. неустранима связь добра со зломъ. Такое оправданіе себя есть дьявольскій соблазнъ. Въ дѣйствительности абсолютное добро осуществимо, и въ Царствѣ Божіемъ, оно осуществлено, но мы отпали отъ него и создали такую сферу бытія, которая «лежитъ во злѣ» и, безъ преображенія, не можетъ вмѣстить въ себѣ чистое добро. Смѣло посмотрѣть въ глаза этой правдѣ, не скрывая отъ себя примѣси зла и несовершенства, присущей даже самымъ великимъ героическимъ подвигамъ въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія, можно только на почвѣ христіанскаго міровоззрѣнія: только оно указываетъ путь къ идеальному царству бытія, гдѣ совершенная свобода отъ зла достигается не угашеніемъ жизни, какъ это проповѣдуетъ буд-

Библиотека "Руниверс"

дизмъ, а, наоборотъ, обрѣтеніемъ полноты жизни, и не уничтоженіемъ индивидуальныхъ своеобразій, а всеобъемлющимъ раскрытіемъ ихъ.

Видѣніе зла, пронизывающаго всѣ проявленія жизни въ психо-матеріальномъ царствѣ, не приведетъ насъ къ унынію и къ невѣрію въ благость Творца міра, не приведетъ къ «бунту» Ивана Карамазова и къ возвращенію «билета», если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что абсолютныя цѣнности не разрушимы никакими внѣшними силами. Царство Божіе, какъ уже выяснено, не подпадаетъ ударамъ даже и сатанинской злобы. И даже въ нашемъ психо-матеріальномъ царствѣ разрушается, умираетъ и отпадаетъ въ прошлое не абсолютно цѣнное бытіе, а только тѣ стороны и проявленія его, которыя не совершенны и потому рано или поздно должны погибнуть, чтобы не мѣшать болѣе совершенному осуществленію абсолютно цѣннаго ядра, заложеннаго въ основѣ ихъ. Любовь Агнесъ (въ «Брандѣ» Ибсена) къ ребенку ея Альфу не исчезаетъ вмѣстѣ съ его смертью: подлинная личная любовь есть онтологическое срастаніе одного индивидуальнаго сверхвременнаго и сверхпространственнаго существа съ другимъ, неуничтожимое тѣмъ глубокимъ измѣненіемъ тѣла, которое называется смертью. Смерть одного изъ любящихъ можетъ даже повысить качество общенія съ нимъ: оно начинаетъ совершаться какъ бы непосредственно въ сердцѣ оставшагося въ живыхъ. И. В. Кирѣевскій говоритъ объ умершемъ духовно близкомъ человѣкѣ: «Наше сердце становится мѣстомъ, гдѣ онъ пребываетъ, не мысленно, а существенно сопроницаясь съ нимъ»*). И неудивительно: наши грубыя непроницае-

*) Собр. соч. изд. Гершензона, II, 290.

Библиотека "Руниверс"

мыя тѣла содѣйствуютъ, правда внѣшнему общенію, но препятствуютъ установленію болѣе глубокихъ внутреннихъ связей. Сочетаніе любящаго съ любимымъ, особенно въ органическомъ единствѣ семьи, опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу обоихъ лицъ непрерывно вплоть до пріобщенія ихъ къ Царству Божію, гдѣ личная любовь впервые получаетъ окончательное осуществленіе: абсолютная любовь къ одному существу, вслѣдствіе идеальной связи всѣхъ индивидуальностей, включаетъ въ себя потенціально любовь ко всѣмъ остальнымъ существамъ и потому можетъ быть реализована во всей чистотѣ, безъ умаляющихъ ее эгоистическихъ пристрастій, только въ Царствѣ Божіемъ.

Такъ-же, какъ любовь, неразрушима красота и подлинное переживаніе ея хотя бы и въ томъ видѣ, какъ оно доступно намъ въ психо-матеріальномъ царствѣ. Вспомнимъ, какъ Оленинъ («Казаки» Толстого), подъѣзжая къ Кавказу, въ первый разъ увидѣлъ снѣговую цѣпь его во всемъ ея величіи. «Рано утромъ онъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ — въ шагахъ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту — чисто-бѣлые громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую, отчетливую, воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между нимъ и горами и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

— Что это? Что это такое? — спросилъ онъ у ямщика.

— А горы, — отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

Библиотека "Руниверс"

— И я тоже давно на нихъ смотрю, — сказалъ Ванюша. — Вотъ хорошо-то. Дома не повѣрятъ.

На быстромъ движенiи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрáдовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и почувствовалъ горы. Съ этой минуты все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскiя воспоминанiя, стыдъ и раскаянiе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе. «Теперь началось», какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ, — все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо — и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу — и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ, красивыя женщины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила, и молодость; а горы...»*).

Красота снѣговыхъ горъ, ихъ величiе, гармонiя и

---

*) Л. Толстой, Казаки, гл. III.

Библиотека "Руниверс"

дѣвственная чистота есть только символъ абсолютной красоты, абсолютнаго величія и чистоты; поэтому сами горы не вѣчны и не должны быть вѣчными, но выражаемая ими красота вѣчна, и переживаніе ея навсегда сохраняется въ душѣ, конечно, не въ своей психо-матеріальной конкретности, которая, на дѣлѣ, есть не конкретность, а разорванная абстрактность, но въ своемъ значеніи, которое, какъ обертонъ, продолжаетъ пѣть въ душѣ, на все налагая новый отпечатокъ торжественности и величавости и неизмѣнно поддерживая, хотя бы въ подсознательной или сверхсознательной сферѣ, Эросъ къ красотѣ.

Неизгладимый слѣдъ, остающійся въ душѣ отъ переживанія абсолютныхъ цѣнностей, никогда не позволитъ дѣятелю, отклонившемуся отъ нормальнаго пути развитія, удовлетвориться своимъ состояніемъ; онъ всегда будетъ терзаться противорѣчіемъ между своимъ поведеніемъ, исполненнымъ зла, и эросомъ чистаго добра, полуоткрывшагося ему въ земныхъ переживаніяхъ абсолютныхъ цѣнностей. Рано или поздно это противорѣчіе выведетъ заблудшихся изъ тупика, побудитъ ихъ оставить «скучныя пѣсни земли» и даже Сатана, истерзанный своею двойственностью и лживостью, можетъ быть разочаруется въ мрачномъ величіи ада*).

Зло возникаетъ въ психо-матеріальномъ царствѣ

*) Іоаннъ Скоттъ Эріугена говоритъ, ссылаясь на св. Григорія Богослова, что злоба ограничена, и потому, исчерпавъ ее до предѣла, грѣшникъ рано или поздно повернетъ на путь добра, такъ что въ концѣ концовъ ни въ комъ не останется зла (De divisione naturae кн. V, 26). — Эта надежда на всеобщее спасеніе можетъ быть обоснована не на теоріи законосообразной эволюціи, а на ожиданіи свободнаго обращенія къ добру существъ, испытавшихъ гнусность зла и осудившихъ свое поведеніе.

Библиотека "Руниверс"

не только при осуществленіи относительныхъ цѣнностей, но даже и въ связи съ попытками воплощенія абсолютныхъ цѣнностей. Есть однако глубокое различіе между этими двумя случаями появленія зла. Относительное добро по самой своей природѣ таково, что связано со зломъ для какихъ либо существъ. Наоборотъ, абсолютное добро по самой своей природѣ есть добро для всѣхъ, и если въ условіяхъ психо-матеріальнаго бытія оно можетъ оказаться связаннымъ со зломъ для нѣкоторыхъ дѣятелей, то это зло возникаетъ изъ самой несовершенной природы этихъ дѣятелей или изъ несовершенства воплощенія абсолютной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, даже такая дѣятельность, какъ исполненіе какой-либо изъ величайшихъ симфоній Бетховена, можетъ оказаться мученіемъ для ученаго въ сосѣдней квартирѣ, которому она мѣшаетъ сосредоточиться на важной и трудной работѣ; точно такъ же она можетъ быть непріятна и ничѣмъ не занятому лицу, если оно лишено воспріятія музыки и слышитъ только безпорядочный наборъ звуковъ, не улавливая прекраснаго цѣлаго. Въ обоихъ этихъ случаяхъ зло возникаетъ не изъ природы прекрасной музыки, а изъ ограниченной сущности самихъ страдающихъ лицъ, виновныхъ въ своей ограниченности. Правда, возможенъ и третій случай: исполненіе даже и прекраснаго музыкальнаго произведенія хотя бы и лучшими виртуозами не можетъ быть абсолютно совершеннымъ въ психо-матеріальномъ царствѣ бытія: досадные скрипы, хрипы и шумы неизбѣжно примѣшиваются къ нему и терзаютъ чувствительное ухо. Въ этомъ случаѣ зло возникаетъ не изъ природы абсолютной цѣнности, но также и не изъ ограниченной природы страдающаго существа, а изъ несовершенства исполнителей и средствъ исполненія.

Ученіе о томъ, что абсолютныя цѣнности неразрушимы, и что природа абсолютной цѣнности сама по себѣ никогда не рождаетъ зла, можетъ привести непрошенныхъ «благодѣтелей» человѣчества, людей съ революціонною натурою къ убѣжденію, что они имѣютъ право сметать съ пути безъ зазрѣнія совѣсти всѣ препятствія ради отстаиваемыхъ ими абсолютныхъ цѣнностй (на дѣлѣ они борются, обыкновенно, не за абсолютныя, а за относительныя цѣнности, ложно абсолютируя ихъ). Конечно, такая мысль есть дьявольскій соблазнъ. Хотя разрушенію подвергаются только относительныя положительныя цѣнности и процессъ нормальной эволюціи невозможенъ безъ такого разрушенія, все же чуткая совѣсть запрещаетъ многіе виды такихъ разрушеній или, допуская нѣкоторые изъ нихъ, переживаетъ ихъ какъ драму. Разсматривать подробнѣе этотъ вопросъ мы здѣсь не будемъ, такъ какъ онъ подлежитъ изслѣдованію въ системѣ этики, а не въ общемъ ученіи о цѣнностяхъ*).

8. Мнимые доводы въ пользу релативизма.

Многія условія содѣйствуютъ распространенности релативистическаго ученія о цѣнностяхъ, т. е. ученія, согласно которому всѣ цѣнности относительны. Прежде всего, слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ это уже было разъяснено, что неорганическое міропониманіе необходимо приводитъ къ релативистической аксіологіи. Но

*) О неизбѣжномъ трагизмѣ грѣховной жизни см. Б. Вышеславцевъ, Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ, YMCA-PRESS, Парижъ, 1929.

Библиотека "Руниверс"

этого мало, и опытъ услужливо подсовываетъ множество фактовъ, которые кажутся убѣдительно подтверждающими этотъ выводъ изъ неорганическаго міропониманія. Въ самомъ дѣлѣ, въ царствѣ психо-матеріальнаго бытія дѣйствительно громадное большинство дѣятельностей и содержаній бытія принадлежатъ къ области относительнаго добра, т. е. необходимо связаны со зломъ. Мало того, сами абсолютныя цѣнности суть лишь предметъ стремленія (а также созерцанія и вѣры) для дѣятелей психо-матеріальнаго царства безъ возможности абсолютнаго воплощенія ихъ, которое достижимо лишь въ Царствѣ Божіемъ. Попытки осуществленія абсолютныхъ цѣнностей въ психо-матеріальномъ царствѣ связаны со зломъ; кто не усматриваетъ, что это зло возникаетъ не изъ природы самой абсолютной цѣнности, а изъ несовершенства воплощенія ея или изъ несовершенства использованія ея, тотъ приходитъ къ ложному выводу, будто абсолютныя цѣнности вовсе не существуютъ.

Наконецъ, есть еще одно важное обстоятельство, дающее поводъ къ релятивизму: слѣдуетъ различать, какъ это разъяснено М. Шелеромъ, нормы поведенія и соотвѣтствующія имъ цѣнности и отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что одна и та-же цѣнность можетъ въ различныхъ условіяхъ быть источникомъ различныхъ, даже иногда противоположныхъ нормъ. Такъ, напр., положеніе «собственная цѣнность личности равна цѣнности другой личности» можетъ дать начало въ различныхъ условіяхъ двумъ противоположнымъ нормамъ: «заботься о другихъ» и «заботься о себѣ»*).

---

*) M. Scheler, Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik, стр. 219 с.; см. также другія соображенія Шелера противъ этическаго релятивизма и скептицизма, стр. 306-320.

9. Ранги цѣнностей.

Изъ опредѣленій, данныхъ выше и изложенныхъ въ связи съ ними ученій, слѣдуетъ, что положительныя цѣнности не равны другъ другу: между ними есть различія: различія ранга, различія достоинства. Прежде всего, очевидно, что служебныя цѣнности ниже самоцѣнностей; далѣе, среди самоцѣнностей абсолютныя самоцѣнности стоятъ выше относительныхъ самоцѣнностей. Далѣе, въ каждой изъ этихъ группъ есть свои различія по рангу: среди абсолютныхъ самоцѣнностей всеобъемлющія стоятъ выше частичныхъ; между всеобъемлющими цѣнностями первичныя цѣнности, Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, Богъ-Духъ Святой, стоятъ выше тварныхъ цѣнностей.

Среди относительныхъ цѣнностей ранги опредѣляются, между прочимъ, ступенями нормальной эволюціи; такъ, напр., у насъ на землѣ цѣнности біологическія въ общемъ выше цѣнностей неорганической природы, цѣнности соціальнаго процесса выше цѣнностей біологическихъ. Попытку расположить цѣнности въ ряды по рангамъ можно было бы осуществить не иначе, какъ имѣя обстоятельно разработанное ученіе о системѣ цѣнностей въ родѣ такой законченной таблицы ихъ, какую далъ Мюнстербергъ въ своей «Philosophie der Werte».

Не собираясь разрабатывать такую систему, я ограничиваюсь также и въ ученіи о рангахъ только защитою этого понятія. Многія стороны его выяснены М. Шелеромъ въ его «Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik», Н. Гартманомъ въ его «Этикѣ» и В. Штерномъ въ его «Wert-Philosophie».

Библиотека "Руниверс"

Гейде отвергаетъ вовсе различіе цѣнностей по рангамъ. Всякая цѣнность, говоритъ онъ, можетъ имѣть различныя степени: я могу предпочесть поѣздку для здороваго отдыха маленькому нравственному акту, могу предпочесть пріятность прогулки ничтожной эстетической цѣнности театральнаго спектакля и т. п.*). Примѣры, приводимые Гейде, на дѣлѣ вовсе не обязываютъ отказаться отъ ученія о рангѣ цѣнностей, т. е. различіи ихъ по внутреннему достоинству. Они показываютъ лишь, что при выборѣ между нѣсколькими цѣнностями приходится въ условіяхъ психо-матеріальнаго бытія руководствоваться не только рангомъ, но и другими свойствами ихъ, напр. тѣмъ, что неосуществленіе какой-либо низшей положительной цѣнности (скажемъ, сытости) ведетъ за собою появленіе разрушительныхъ отрицательныхъ цѣнностей (болѣзни, смерти и т. п.**). Отсюда слѣдуетъ, что предпочтеніе цѣнности должно опредѣляться ея рангомъ лишь при равенствѣ прочихъ основаній.

*) Heyde, Wert, 186 с.

**) См. ученіе Н. Гартмана о наличіи двухъ законовъ предпочтенія: о предпочтеніи цѣнности въ зависимости отъ ея высоты и предпочтеніи цѣнности въ зависимости отъ ея силы, разумѣя подъ словомъ сила цѣнности тягость Unwert'а, возникающаго при неисполненіи ея (Ethik, стр. 553).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СУБЪЕКТИВНО-ПСИХИЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНІЕ ЦѢННОСТЕЙ.

1. Цѣнность и чувство цѣнности.

Цѣнности вступаютъ въ сознаніе субъекта не иначе, какъ посредствомъ чувствъ субъекта, интенціонально направленныхъ на нихъ. Въ связи съ чувствомъ субъекта они становятся цѣнностями, *переживаемыми имъ*. Даже въ предсознаніи субъекта они связаны уже съ положительнымъ или отрицательнымъ предчувствомъ. Такъ, въ общеніи съ людьми нравственная чистота юноши, нѣжность дѣвушки, мужество, надежность, сила мужчины, задоръ бреттера, мрачность меланхолика, суровость «инквизитора», обыкновенно, даны намъ не просто теоретически, какъ бытіе, служащее предметомъ наблюденія, но еще и переживаются, какъ цѣнности, какъ нѣчто достойное быть или не быть, какъ нѣчто пріемлемое или непріемлемое, въ связи съ безконечно разнообразными чувствами, для обозначенія которыхъ у насъ въ большинствѣ случаевъ

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ спеціальныхъ словъ, такъ что приходится обыкновенно называть ихъ описательно, черезъ указаніе предмета ихъ: чувство чистоты, чувство нѣжности и т. п. Иногда эти чувства наблюдателя похожи на чувства, въ которыхъ само наблюдаемое лицо переживаетъ свои проявленія и качества; таково, напр., чувство нѣжности. Иногда они отличны отъ чувствъ наблюдаемаго лица: напр., чувство довѣрія у того, кто полагается въ какомъ либо дѣлѣ на своего товарища, и чувство устойчивости настроенія и воли у самого этого товарища.

Такое же богатство чувствъ даетъ намъ и общеніе съ природою. Воспріятіе пейзажа въ цѣломъ, воспріятіе каждаго отдѣльнаго цвѣта, звука, запаха, вкуса, воспріятіе сочетаній ихъ — все окутано въ сознаніи переживаніемъ разнообразныхъ чувствъ. Точно такъ же всѣ душевныя и духовныя дѣятельности человѣка, а также біологическія функціи пропитаны положительными или отрицательными чувствами. Удовольствіе и неудовольствіе суть наиболѣе распространенныя, но и наиболѣе элементарныя чувства; прелесть жизни и полнота ея переживается не столько въ простомъ чувствѣ удовольствія, сколько въ упомянутыхъ выше безконечно разнообразныхъ и сложныхъ чувствахъ.

Нельзя не согласиться съ Шелеромъ, что чувство есть особый видъ сознаванія, въ которомъ даны цѣнности. Шелеръ называетъ свое ученіе «эмоціональнымъ интуитивизмомъ», обозначая этимъ терминомъ непосредственную данность транссубъективныхъ цѣнностей въ чувствѣ субъекта*). Въ отличіе отъ Шелера, однако, придерживаясь своей онтологической идеалъ-реалистической аксіологіи, согласно которой само бытіе въ его

*) Der Formalismus in der Ethik... стр. XI, 64 с., 261-269.

Библиотека "Руниверс"

значеніи для полноты жизни есть цѣнность, мы полагаемъ, что слова «восхитительный», «возвышенный», «красивый» или «благородный», «пошлый», «мужественный», «трусливый» (см. Шелеръ, стр. 8 с.), обозначаютъ, когда мы выражаемъ ими свое переживаніе предмета, слѣдующій сложный фактъ сознанія, имѣющій субъективную и трансубъективную сторону: субъективная сторона состоитъ въ томъ, что наблюдатель переживаетъ свое субъективное «чувство восхитительности», «чувство возвышенности», «чувство красоты», «чувство благородства, мужества» и т. п., а транссубъективная сторона есть сознаваемый предметъ внѣшняго міра съ его красками, звуками, дѣятельностями въ той ихъ цѣлости, которая придаетъ имъ специфическое достоинство и специфическое значеніе для полноты бытія, переживаемое наблюдателемъ въ «чувствѣ восхитительности», «чувствѣ благородства» и т. п.

Перечисленныя сознаванія и переживанія еще не суть знаніе; они имѣютъ первенствующее **практическое** значеніе, какъ возможные руководители нашего поведенія. Но для того, чтобы они получили **теоретическое** значеніе, т. е. стали знаніемъ, необходимы еще интенціональные познавательные акты наблюдателя, направленные и на внѣшній предметъ и на чувства, которыми онъ одѣтъ въ сознаніи; эти акты суть различеніе, отвлеченіе, обсужденіе т. п.; въ результатѣ ихъ является **сужденіе оцѣнки, знаніе о цѣнности.**

Для большинства поступковъ достаточно сознанія или даже подсознательнаго переживанія цѣнностей и вовсе не требуется опознаніе ихъ, но на извѣстной ступени развитія познавательная дѣятельность, направленная на цѣнности, полезна для выработки послѣдова-

Библиотека "Руниверс"

тельной системы поведенія. Разграничивая, такимъ образомъ, практическое переживаніе цѣнностей чувствомъ и теоретическое различеніе ихъ знаніемъ, мы можемъ принять эмоціональный интуитивизмъ Шелера для практической сферы и въ то-же время, говоря о п о з н а в а н і и цѣнностей, утверждать, что оно осуществляется посредствомъ такой же т е о р е т и ч е с к о й и н т у и ц і и, какъ и всѣ остальныя знанія*).

Поэтому, вмѣстѣ съ Гейде, мы можемъ сказать, что оцѣнка есть не особое знаніе, а знаніе объ особомъ предметѣ (стр. 155**).

2. Цѣнность и воля.

Положительно или отрицательно цѣнное состояніе, переживаемое реально или предвосхищаемое (въ представленіи, сужденіи и т. п.), если оно находится въ нашей власти, сопутствуется стремленіемъ удержать или удалить его, осуществить или предотвратить. Сами цѣнности не содержатъ въ себѣ никакой силы, которая могла бы причинить, творчески породить стремленія субъекта и его дѣятельности; динамическій моментъ стремленія и дѣятельности принадлежитъ самому субъекту, самому субстанціальному дѣятелю и никому больше (вѣрнѣе «ничему», такъ какъ слова «кто» и «никто» могутъ быть относимы только къ субстанціальнымъ дѣя-

---

*) См. объ интуитивизмѣ въ гносеологіи введеніе въ мою «Логику».

**) См. также ученіе Н. Гартманна въ его «Ethik» (I изд.) о томъ, что познаваніе цѣнностей есть т е о р е т и ч е с к а я дѣятельность не въ меньшей степени, чѣмъ знаніе о пространствѣ, стр. 135.

телямъ). Иллюзія, будто сама цѣнность есть сила*), возникаетъ потому, что субстанціальный дѣятель есть не оторванный отъ своихъ переживаній абстрактный носитель силы, а конкретное индивидуальное цѣлое, проникнутое основнымъ стремленіемъ къ абсолютной полнотѣ бытія. Поэтому все, что относится къ этой цѣли, какъ моментъ ея, какъ средство или какъ противодѣйствіе ей, не оставляетъ его равнодушнымъ, и становится переживаніемъ его, заряженнымъ силою; однако, мысленно различая переживанія дѣятеля во времени и самого сверхвременнаго дѣятеля, легко усмотрѣть, что сила, необходимая для поступка, исходитъ не изъ переживанія цѣнности, а изъ самого я; поэтому я остается или можетъ остаться господиномъ поступка.

Правда, въ психо-матеріальномъ царствѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ я низводитъ себя въ рабское состояніе, поскольку оно удовлетворяется шаблоннымъ типомъ поведенія, удовлетвореніемъ своихъ страстей, лѣни и т. п., однако, внимательное наблюденіе открываетъ, что все же это лишь относительное рабство, все же формальная (правда, не положительная матеріальная) свобода сохраняется, т. е. источникъ дѣйствія содержится въ самомъ суверенномъ сверхвременномъ я, а вовсе не детерминируется неотмѣнимо временными переживаніями его**).

Осуществленіе стремленія есть волевой актъ. Термину волевой актъ мы придаемъ здѣсь чрезвычайно ши-

---

*) Н. Гартманнъ, напр., говоритъ, что цѣнность есть сила, благодаря которой бытіе теряетъ равновѣсіе и устремляется за предѣлы себя самого, **tendiert über sich hinaus**, стр. 172. См. однако стр. 701, гдѣ Н. Гартманнъ говоритъ, что цѣнности не имѣютъ силы, что сила принадлежитъ человѣческой волѣ.

**) См. объ этомъ мою книгу «Свобода воли».

Библиотека "Руниверс"

рокое значніе, именно называемъ имъ всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлестремительный характеръ, независимо отъ того, имѣетъ ли лежащее въ его основѣ стремленіе психическій или психоидный характеръ. Поэтому мы можемъ утверждать, что не только вся жизнь человѣка, но и жизнь всѣхъ субстанціальныхъ дѣятелей во вселенной можетъ быть разложена на отрѣзки, состоящіе изъ волевыхъ актовъ или, по крайней мѣрѣ, начальныхъ звеньевъ ихъ. Такимъ образомъ **волюнтаризмъ** есть ученіе, пригодное не только для разработки системы психологіи, но и для пониманія всѣхъ процессовъ въ мірѣ*).

Согласно этому ученію весь міровой процессъ имѣетъ телеологическій характеръ, конечно, не въ смыслѣ телеологическаго детерминизма, т. е. цѣлесообразнаго предопредѣленія, а въ смыслѣ **свободой цѣлестремительной активности**. Возраженія Н. Гартманна противъ міровой телеологіи, между прочимъ, утвержденіе его, что міровая телеологія отняла бы у человѣка силу детерминировать что бы то ни было, такъ какъ и безъ него все напередъ было бы предопредѣлено**), не убѣдительны, такъ какъ при обсужденіи этого вопроса онъ имѣетъ въ виду только двѣ возмож-

---

*) О волюнтаризмѣ въ психологіи см. мою книгу «Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма». Въ ней начальное звено дѣйствія, стремленіе, разсматривается, какъ предвосхищеніе цѣли, связанное только съ чувствомъ удовольствія или неудовольствія; поправка, вносимая мною теперь въ это ученіе, состоитъ въ указаніи на то, что рядомъ съ этими чувствами нужно поставить еще безчисленное множество другихъ чувствъ (см. гл. VI, «Удовольствіе и страданіе. 2. Связь между удовольствіемъ и стремленіемъ», 2. изд. стр. 162-174.

**) N. Hartmann, Ethik, I изд., стр. 184 с.

ности — телеологическій детерминизмъ и причинный детерминизмъ, упуская изъ виду третью возможность — свободную цѣлестремительность, т. е. индетерминистическую телеологію, при которой возможна постановка ложныхъ цѣлей, неудачныя попытки, пробы, попаданія въ тупикъ, возвраты на прежнія позиціи для новыхъ попытокъ и т. п.

Въ составѣ цѣнностей нѣтъ принудительной силы, нѣтъ также и актуальнаго долженствованія*), но абсолютныя самоцѣнности обладаютъ внутреннимъ достоинствомъ, и потому, любя ихъ, мы сознаемъ, что наша любовь внутренно оправдана. Отличіе этого ученія отъ ученія Ф. Брентано состоитъ въ слѣдующемъ: первичный критерій добра мы находимъ не въ этой внутренней оправданной любви, а въ самомъ объективномъ внутреннемъ достоинствѣ любимаго предмета**).

Всякому субъекту присущи: 1) стремленіе къ абсолютной полнотѣ бытія и 2) индивидуальная нормативная идея, опредѣляющая возможное своеобразное участіе его въ царствѣ абсолютнаго осуществленія абсолютныхъ цѣнностей. Отсюда понятно, что абсолютныя цѣнности непосредственно сознаются (представители трансцендентальнаго идеализма сказали бы «а priori сознаются»), какъ нѣчто заслуживающее любви и осуществленія; это непосредственное сознаніе есть основной моментъ совѣсти***).

Въ случаѣ столкновенія различныхъ цѣнностей, сплошь и рядомъ происходящаго въ психо-матеріаль-

---

*) См. объ этомъ Мюнстербергъ (возраженіе Рикерту), стр. 51-57; Шелеръ, стр. 210; Гейде, 74; Н. Гартманнъ, 156.

**) Ученіе Брентано см. въ его «Vom Ursprung der sittichen Erkenntniss», Plilos. Bibl. B. 55.

***) См. N. Hartmann, Ethik, стр. 121.

Библиотека "Руниверс"

номъ царствѣ, предпочтеніе и осуществленіе той цѣнности, которая лежитъ на пути нормальной эволюціи, ведущей къ порогу Царства Божія, переживается, какъ должное, и можетъ быть иногда выражено въ нормахъ (въ сужденіяхъ, нормирующихъ поведеніе). Реальному переживанію долженствованія соотвѣтствуетъ въ идеальномъ единствѣ воли и цѣнности идеальный моментъ, идеальное долженствованіе, необходимо связанное съ эйдетическою структурою воли, руководимой нормативною идеею индивидуальнаго участія въ абсолютной полнотѣ бытія. Это тотъ моментъ, который Н. Гартманнъ называетъ ideales seinsollen (стр. 155).

Если первозданная сущность дѣятеля снабжаетъ его столь существенными средствами для избранія правильнаго пути, какъ совѣсть и способность переживать долженствованіе, то, казалось бы, онъ застрахованъ отъ ошибокъ. Между тѣмъ фактически въ царствѣ психоматеріальнаго бытія наше поведеніе изобилуетъ ошибками и ложными шагами. Какъ это понять? Въ отвѣтъ на это недоумѣніе напомнимъ, что воля дѣятеля свободна: нормативная идея, совѣсть, сознаніе долга, чувства цѣнности не вынуждаютъ у дѣятеля его поступковъ, не причиняютъ его поведенія; сверхпространственный и сверхвременный дѣятель самъ отъ себя проявляетъ свою творческую силу въ томъ или иномъ направленіи, опираясь на всѣ свои способности и временныя переживанія, но не подчиняясь имъ; къ тому же, у нихъ и нѣтъ силы дѣйствованія, чтобы творить новыя событія и производить перемѣны въ дѣятелѣ. Имѣя передъ собою для первичнаго акта выбора двѣ цѣнности — высочайшую цѣнность бытія Бога и низшую въ сравненіи съ самимъ Богомъ цѣнность тварнаго активнаго участія въ Божественной полнотѣ бытія на осно-

Библиотека "Руниверс"

ванiи самозабвенной любви къ Богу и преклоненiя передъ Его совершенствомъ, свободный дѣятель можетъ предпочесть высочайшую цѣнность и захотѣть быть Богомъ. Такое избранiе есть предпочтенiе цѣнности своего я цѣнности Бога, оно создаетъ эмпирическiй характеръ себялюбiя, именно болѣе или менѣе устойчивой любви къ себѣ, большей, чѣмъ къ Богу. Выше были уже различены два вида этого себялюбiя: гордыня, вступающая въ состязанiе съ Богомъ, не терпящая Его превосходства и стремящаяся низвергнуть Его; себялюбiе, стремящееся обладать всѣми благами, но не состязающееся съ Богомъ, способное даже признать превосходство и совершенство Бога, способное даже полюбить Бога и твари Его, однако, отдавая предпочтенiе себѣ. Первое себялюбiе — сатанинское, второе себялюбiе — земное, присущее психо-матерiальному бытiю.

Возможно, что углубленное изслѣдованiе сатанинскаго бытiя заставило бы различить не два царства мiрового бытiя, разсмотрѣнные мною въ книгѣ «Мiръ какъ органическое цѣлое» — Царство Божiе и психо-матерiальное царство, а три, — прибавивъ къ первымъ двумъ царство адскаго бытiя.

Мысль, что есть существа, завидующiя превосходству Бога и вступающiя съ Нимъ въ состязанiе, кажется курьезною небылицею обыкновенному человѣческому сознанiю. Между тѣмъ это явленiе вовсе не такъ рѣдко встрѣчается. Однажды мнѣ пришлось бесѣдовать съ молодымъ поэтомъ, который отрицалъ бытiе Бога. Слѣдя за логическою безсвязностью его аргументацiи и эмоцiональною основою ея, я рѣшился сказать ему, что его отрицанiе Бога, повидимому, обусловлено не доводами разума, а гордынею, не желающею допустить бытiя существа, недосягаемо совершеннаго. Го-

Библиотека "Руниверс"

да черезъ два я получилъ отъ своего собесѣдника письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что я былъ правъ, и что онъ измѣнилъ свои взгляды. Защитникъ необуддизма японецъ Сузуки въ своей книгѣ «Очерки махаянскаго буддизма» говоритъ: «если буддизмъ назовутъ религіею безъ Бога и безъ души или просто атеизмомъ, послѣдователи его не станутъ возражать противъ такого опредѣленія», такъ какъ «понятіе о высшемъ существѣ, стоящемъ выше своихъ созданій и произвольно вмѣшивающемся въ человѣческія дѣла, представляется крайне оскорбительнымъ для буддистовъ» (стр. 31, Lond., 1907). Среди сторонниковъ пантеизма, среди проповѣдниковъ самоискупленія, самоспасенія, несовмѣстимости нравственности и религіозной вѣры въ искупленіе Богомъ, есть не мало людей, въ глубинѣ души которыхъ гнѣздится гордое нежеланіе допустить бытіе существа, стоящаго безконечно выше, чѣмъ ихъ я.

Совѣсть и сознаніе долженствованія или хотя бы только инстинктивное переживаніе его осуждаютъ оба вида отпаденія отъ Бога; достигаемыя на этихъ ложныхъ путяхъ блага оказываются ничтожными обрывками бытія вмѣсто абсолютной полноты его, и потому не даютъ полнаго удовлетворенія, однако угрызенія совѣсти и другія страданія опять таки не уничтожаютъ свободы дѣятелей и не предопредѣляютъ однозначно ихъ поведеніе: одни отвѣчаютъ на эти страданія вступленіемъ на путь сатанинской эволюціи, т. е. еще большимъ озлобленіемъ противъ добра и изощреніемъ своей противящейся Богу дѣятельности, а другіе ищутъ путей нормальной эволюціи. Ихъ приходится дѣйствительно искать, и притомъ съ величайшимъ трудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, отпаденіе отъ Бога и Царства Божія,

Библиотека "Руниверс"

есть, такъ сказать, антипреображеніе дѣятеля. Земное себялюбіе ведетъ дѣятеля, какъ уже было разсмотрѣно выше, къ относительной изоляціи его отъ всѣхъ дѣятелей, къ предоставленности его только своимъ силамъ; спайка его съ остальнымъ бытіемъ остается лишь въ формѣ отвлеченнаго единосущія, предсознанія и предчувства. Руководясь себялюбіемъ дѣятель не участвуетъ въ чужомъ бытіи самоотверженнымъ переживаніемъ его, онъ выхватываетъ изъ него только ничтожные обрывки, годные для себялюбиваго использованія, и только ихъ выдѣливъ изъ предсознанія, включаетъ въ составъ того, чѣмъ онъ живетъ. Онъ живетъ такимъ образомъ въ своемъ особомъ мірѣ, представляющемъ собою выборку изъ состава вселенской дѣйствительности. Создавъ себѣ относительно непроницаемое тѣло, усиливающее своими акціями и реакціями связь съ одними сторонами міра и обособленіе отъ другихъ вліяній его, субъектъ еще болѣе усугубляетъ своеобразіе своей среды, отличной отъ среды другихъ существъ. Обладая вслѣдствіе своей изоляціи слабыми творческими силами и создавъ условія, ведущія къ несовмѣстимости многихъ цѣнностей другъ съ другомъ, онъ, съ одной стороны, страдаетъ отъ бѣдности своей жизни, но, съ другой стороны, ею же и спасается отъ непосильныхъ для него въ его упадочномъ состояніи задачъ. Онъ живетъ не всѣми цѣнностями, а только болѣе или менѣе узко очерченнымъ кругомъ ихъ; для него характерна узость сознанія цѣнностей (Enge des Wertbewusstseins), прекрасно обрисованная Н. Гартманномъ въ его «Этикѣ». Въ его маленькомъ міркѣ, составленномъ изъ обрывковъ вселенной, перспектива для правильной оцѣнки нарушена: одни элементы переживаются въ связи съ могучими тѣлесными реакціями и страстями, а другіе оттѣснены на

Библиотека "Руниверс"

заднiй планъ, однимъ приписывается преувеличенная цѣнность, другимъ неправомѣрно умаленная. Если прибавить сюда еще упадокъ интеллекта, поскольку онъ обусловленъ слабостью силъ относительно изолированнаго субъекта, несовершенное опознанiе объектовъ, неполноту выводовъ и предвидѣнiя слѣдствiй, обилiе ошибокъ знанiя, то отсюда станетъ еще яснѣе, что дѣятель психо-матерiальнаго царства обреченъ на то, чтобы совершать множество ошибокъ въ оцѣнкѣ предметовъ и ошибокъ при предпочтенiи одной цѣнности другимъ*).

Въ условiяхъ разорваннаго бытiя ни с о в ѣ с т ь у сравнительно высоко развитыхъ существъ, ни и н с т и н к т ъ на первичныхъ ступеняхъ бытiя не гарантируютъ отъ ошибокъ. Къ этимъ основнымъ руководителямъ долженъ прибавиться еще о п ы т ъ для того, чтобы найти путь нормальной эволюцiи. Отсюда ясно, что чистой линiи нормальной эволюцiи въ дѣйствительномъ бытiи быть не можетъ: пробы, отклоненiя отъ правильнаго пути, попаданiя въ тупики, исканiе выхода изъ нихъ неизбѣжны въ фактической эволюцiи.

Если принять во вниманiе, что относительное добро по самой природѣ своей связано со зломъ, и даже абсолютное добро въ условiяхъ психо-матерiальнаго царства сопутствуется зломъ (хотя и не вытекающимъ изъ самой природы абсолютнаго добра), то печальная картина жизни существъ, обрекшихъ себя на пребыванiе въ психо-матерiальномъ царствѣ, обрисуется передъ нами еще отчетливѣе: всякiй предметъ (поступокъ, вещь, существо) вызываетъ неизбѣжно а м б и в а-

---

*) См. о нѣкоторыхъ изъ этихъ источниковъ ошибокъ Meinong, «Psychologisch ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie», стр. 77 с.; Ehrenfels, «System der Wert-theorie», стр. 102 сс.

Библиотека "Руниверс"

лентную (терминъ психіатра Блейлера), двойственную реакцію чувства и воли, — съ одной стороны онъ переживается, какъ пріятный или восхитительный, или возвышенный и т. п. и желательный, а, съ другой стороны, какъ непріятный или опасный или тревожный, отягощенный заботами и т. п. и не желательный. Незнаніе на что рѣшиться, невозможность довольствоваться шаблонами создаетъ на каждомъ шагу тяжелыя положенія, такъ какъ всякій объектъ многосторонен и встрѣчаясь въ различной обстановкѣ, требуетъ въ разныхъ случаяхъ различной оцѣнки и различныхъ рѣшеній воли. Отсюда является у многихъ субъектовъ склонность довѣрять этическому релативизму и субъективизму, приходить къ скептицизму, подрывающему энергію въ борьбѣ за добро. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ во всей этой пестротѣ и, казалось бы, капризной неустойчивости всюду таятся объективныя общезначимыя цѣнности. Если дикарь пренебрегаетъ машиною и высоко цѣнитъ обломокъ зеркала (примѣръ, приводимый Крейбигомъ въ пользу субъективности и относительности цѣнностей), то изъ этого лишь слѣдуетъ, что онъ производитъ субъективную выборку изъ предлежащихъ объективныхъ цѣнностей; изъ субъективности выбиранія вовсе не вытекаетъ субъективность выбраннаго*).

Опознаніе объективности цѣнностей и наличія абсолютныхъ цѣнностей, вслѣдствіе пронизанности всѣхъ переживаній цѣнности сложными, разнообразными и противорѣчивыми въ условіяхъ нашей жизни чувствами, еще болѣе затруднено, чѣмъ защита объективности и абсолютности истины въ гносеологіи. Но для того,

---

*) См. объ этомъ Шелеръ, стр. 221 с., 275.

Библиотека "Руниверс"

чтобы твердо держать линію поведенія въ направленіи на Царство Божіе съ Богомъ во главѣ Его, защита абсолютизма и объективизма въ аксіологіи не менѣе необходима, чѣмъ защита абсолютизма и объективизма въ гносеологіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Введеніе 5

Гл. I. Критическія соображенія, подготовляющія идеалъ-реалистическое ученіе о цѣнности.

1. Психологизмъ 17
2. Ученіе Шелера 29
3. Споръ Лейбница и А. Экгарда о понятіи цѣнности. 33
4. Цѣнность и абсолютная полнота бытія 36

Гл. II. Условія возможности цѣнности.

1. Длясебябытіе субстанціальнаго дѣятеля 41
2. Имманентность всего всему 46
3. Богъ и Царство Божіе 49
4. Любовь и свобода 54
5. Индивидуальное бытіе 59
6. Личность. Духовныя основы бытія 73

Гл. III. Основныя свойства цѣнностей.

1. Опредѣленіе цѣнности 78
2. Абсолютныя и относительныя, объективныя и субъективныя цѣнности 82
3. Всеобъемлющія и частичныя абсолютныя самоцѣнности 89
4. Относительныя цѣнности 93
5. Отрицательныя цѣнности 102
6. Служебныя цѣнности 110
7. Драматизмъ нормальной эволюціи 111
8. Мнимые доводы въ пользу релативизма 118
9. Ранги цѣнностей 120

Гл. IV. Субъективно-психическія переживанія цѣнностей.

1. Цѣнность и чувство цѣнности 122
2. Цѣнность и воля 125

Imprimerie «Pascal», 13, Rue Pascal, Paris-5^e

Библиотека "Руниверс"